

The background of the entire image is a repeating pattern of purple zigzag lines. The lines are arranged in a series of parallel, slightly offset rows, creating a textured, woven appearance. The color is a deep, muted purple.

ЕВГЕНИЙ МАЛЯКИН

СКОРОСТЬ ТЬМЫ

Евгений Малякин

Скорость тьмы

«Издательские решения»

Малякин Е. А.

Скорость тьмы / Е. А. Малякин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-934400-7

Люди перестали умирать. Но это коварное бессмертие, которое ведет планету к катастрофе. Ее пытаются предотвратить, жертвуя собой несколько людей — от боссов ЦРУ до аристократов Европы и простых людей из Израиля. Но получится ли?

ISBN 978-5-44-934400-7

© Малякин Е. А.
© Издательские решения

Содержание

ПРОЛОГ	6
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	10
Глава первая	11
Глава вторая	21
Глава третья	30
Глава четвертая	38
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Скорость тьмы

Евгений Александрович Малякин

*...И когда скорость света
влетит в такую же скорость тьмы —
концом времен,
хрустом снежка в варежке станем мы,
каскадами эха, которые не унять.*
(Е.М. «Физический цикл»)

*Всё, что только способен вообразить человеческий мозг
во Вселенной существует реально.*

© Евгений Александрович Малякин, 2018

ISBN 978-5-4493-4400-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ПРОЛОГ

Тель-Авивский медицинский центр Сураски, родильный дом «Лис»

– Он опять остановился! Мамочка совсем прекратила рожать! – акушерка Татьяна Будлов излишне нервно вскрикнула, что не понравилось доктору Вересу. Опытный специалист и сам увидел, что у пациентки вдруг прекратилась родовая деятельность, хотя поначалу все шло удовлетворительно: после тщательного обследования было решено проводить вагинальные роды, и роженице сделали эпидуральную анестезию. Однако что-то пошло не так, и теперь доктор понимал, что придется делать экстренное кесарево сечение.

Не дай бог будет гипоксия мозга, и ребенок задохнется в родовых путях – страшно даже представить последствия этого для всех, в том числе и для репутации крупнейшей клиники Израиля.

Как правило, родовое разрешение посредством оперативного вмешательства не происходит спонтанно, решение о его необходимости принимают заранее, тем более такие профессионалы, как доктор Верес.

Не раздумывая долго, хирург приказал:

– Готовим операцию!

Уже через несколько мгновений доктор Верес разрезал живот роженицы по предлобковой складке, ловко рассек стенку матки, извлек через эти разрезы на свет божий новорожденного и передал того на руки медсестре. Малыш закричал.

+++

Молодая мама Ева Барак тихо плакала в послеоперационной палате, ее мутило и подташнивало после наркоза и получасового зашивания разреза. *«Шов, конечно, сделают косметический... Но ведь он есть! – крутилось у нее в голове. – Почему мне говорили, что осложнений не будет, все пойдет по плану? Неужели это я такая нездоровая... или врачи плохо отнеслись к своей работе?»*.

Ева взяла себя в руки, вытерла слезы. *«Надо радоваться, что с малышом все в порядке, в конце концов! И надо быть сильной и мудрой, не сопротивляться тому, чему противиться невозможно»*, – решила она и выпила теплой воды. Затем девушка по привычке полезла в интернет, включив в голубоватом полусумраке палаты свой смартфон. Нашла интересующую ее информацию.

Оказывается, чуть ли не со времен вымирания неандертальцев постепенно умнеющее человечество училось принимать роды посредством рассечения живота матери в случаях, когда женщина не могла родить естественным путем. Повитухи испокон веку умели с разной степенью ловкости рассечь не только живот роженицы, но и ее матку, после чего было нетрудно вынуть плод.

Однако на этом все хорошее в данной истории заканчивалось, поскольку – и Ева это хорошо уяснила для себя – белое рано или поздно уступает место черному, Бог невозможен без Дьявола, Свет – без тьмы Космоса, а радость обязательно сменяется горем или разочарованием. Диалектика. Единство и борьба противоположностей.

Вот и здесь так случилось, что люди нивелировали свое умение спасать кесаревым сечением детей. На протяжении тысячи лет радость спасения дитяти разрушалась дурным суеверием принимающих роды повитух и хирургов, пребывающих в уверенности, что матку зашивать нельзя. Да, за всю историю человека разумного были спасены сотни миллионов младенцев, но при этом погибло ровно столько же рожавших матерей. Даже когда изобрели анестезию, из-за этой медицинской дикости в людских головах кесарево сечение приводило к поголовной смертности рожениц.

Так Свет умения бодался с Тьмой суеверия до той поры, пока немецкий врач, акушер и гинеколог Макс Зенгер не взял и не зашил матку впервые в истории. Случилось это в 1882 году от Рождества Христова. С тех пор, как Зенгер добился возможности сохранения женской матки при кесаревом сечении, недолгая операция под наркозом почти не несет риска для рожениц.

«Как поздно к нашему людскому роду приходят те самые озарения, которые потом, с течением времени, становятся рутинной, и все удивляются: а разве когда-то было иначе? А разве мы так поздно додумались до столь очевидного прогресса? И почему?» – подумала, отложив смартфон на прикроватную тумбочку, молодая мама.

...Ева вздохнула, вдруг почему-то вспомнив последний свой сон перед днем родов. Тогда она летела над океаном, вытянувшись в струну с выпиравшей вниз полусферой – животом. Давя на ушные перепонки диким воем за ней вырастал страшный гриб взрыва, а потом она попала в некий огромный ангар, населенный уродливыми людьми, тянущими свои руки с длинными корявыми пальцами к ее животу, где сильными толчками давал о себе знать ее сыночек...

«К чему бы присниться такой чуши?» – удивилась Ева, но отогнала от себя мрачные воспоминания. Ей принесли покормить новорожденного сына. Мать нежно поцеловала влажное темечко ребенка и начала успокаиваться – в конце концов, и дурные сны, и шрам на животе ничто в сравнении с тем, что у нее есть теперь ее маленький, любимый...

«Как же его назвать... уже все мозги поломала... Мама, когда еще жива была, на будущее просила для ребеночка имя Давид выбрать, в честь деда. А что, пожалуй, неплохое имя, да и дед заслужил такую память о себе».

Ева приняла решение и даже повеселела, а заглянувшей к ней в палату акушерке Татьяне Будлов сказала: «Спасибо за все», хотя та начала горячо оправдываться и рассказала, что в эту ночь по всей клинике пришлось делать экстренные сечения, и *никто ничего не понимает*. Больше того, ей позвонила подруга из Memorial Regional Hospital в США и пожаловалась, что у них в это же время пришлось делать два десятка срочных операций из-за полной остановки родовой деятельности у рожениц. Там все в панике, говорят о *родовом вирусе*...

В самом деле, в родовспоможении происходило что-то ненормальное. Утром 13 декабря в Иерусалиме на улице Хефтман, 1 по заданию Главного управления Министерства здравоохранения срочно созвали Ученый совет. Собравшимся на нем специалистам и руководителям окружных отделений Министерства пришлось узнать удивительное: этой ночью во всех родильных домах Израиля у рожениц внезапно, в полночь, одновременно прекратились регулярные, да и вообще какие бы то ни было схватки, и во избежание осложнений всем пришлось экстренно делать кесарево сечение. Например, в крупнейшей клинике Ближнего Востока, в акушерском комплексе государственного медицинского центра «ШИБА», где ежедневно в среднем рожают 25—27 молодых мам, этой ночью пришлось сделать почти 17 незапланированных кесаревых. Остальные мамы, к счастью, успели разродиться еще днем.

Иначе как не имеющим аналогов в истории акушерским феноменом происходящее назвать было трудно. Тем более что многим израильским светилам родовспомогательной медицины уже успели позвонить коллеги и друзья из разных стран мира, от Японии до Голландии, Германии, Австралии и Китая, и все в один голос рассказывали о необычной «эпидемии сечений», которая накрыла их клиники и центры одновременно в разных часовых поясах и не проходит до сих пор. Никто не рождает нормальным, естественным образом.

Однако для срочного совещания медицинских светил страны и мира был еще один, не менее потрясающий повод.

+++

12 декабря, год 2020, время 11.59.59, Швейцария, помещение, арендованное клиникой «Caritas»

Врач и юрист Людвиг Манולי, директор и второй сын основателя клиники «Caritas» Эммануэля Манולי этой ночью решил лично присутствовать при очередном акте «милосердного убийства».

Начинавшаяся на его глазах процедура была в тонкостях отработана за два десятка лет существования организации, которая помогала неизлечимо больным при их горячем желании покинуть наш грешный мир. И, конечно же, двум специально обученным «техникам», которые на месте уже приготовили безболезненно и мгновенно действующий ядовитый состав, присутствие босса не требовалось. Однако в этот раз клиент был старым другом Людвига, с которым они вместе постигали азы юриспруденции и даже как-то пытались устроить дурацкую дуэль на бейсбольных битах из-за прелестей прекрасной молодой Греты.

– Ты готов, дорогой мой Юрген? – спросил Людвиг Манולי, держа за руку неизлечимо больного приятеля, сидящего в удобном кресле перед полыхающим камином. В бытность свою молодым учеником этот человек дружил даже с его отцом и поэтому был для Людвига буквально членом семьи.

– Да, я готов и подтверждаю свое желание добровольно уйти из жизни по причине болезненного и неизлечимого недуга, – твердо, хотя и слабым голосом заявил Юрген Вальц, глядя в камеру, которая вела съемку специально для последующего предъявления записи полиции.

Слегка дрожащей рукой он принял от ассистента маленькую пиалу с бесцветной жидкостью и, не желая затягивать давно решенное дело, выпил ее одним глотком. Затем в последний раз поднял взгляд на друга, провожавшего его в иной мир, и откинулся на спинку кресла. Дрова в камине трещали, ассистенты смотрели на хронометры – конец должен был наступить через две-три секунды.

Однако через полминуты Юрген открыл глаза и недоуменно посмотрел в сторону Людвига Манולי.

– Выходит, на том свете меня тоже ты, Людвиг, встречаешь? – спросил он.

Шутка вышла натянутой. Доктор ошеломленно расширил глаза, затем грозно посмотрел на ассистентов:

– Вы все точно исполнили?

Перепуганные парни вытянулись в струнку и выдавили из себя:

– Несомненно, ошибки быть не может...

В течение последующего часа яд, милосердно убивший не одну сотню добровольных смертников, был лично два раза приготовлен главой клиники и выпит его старым другом. Эффект был тем же – друг продолжал жить и уже высказал свое возмущение:

– Да вы надо мной издеваетесь, что ли? Я вообще-то заплатил положенные восемь с половиной тысяч евро. И вот за эту пытку, что ли, я плачу, а, Людвиг? Сказал бы прямо, что я тебе дорог, и ты не хочешь меня травить.

Пациент попытался слабо улыбнуться. Даже в этой дикой ситуации Юрген Вальц сохранял всегда присущее ему чувство легкого юмора. А вот на доктора Манולי было страшно смотреть. Он был бледен и, казалось, сейчас сам выпьет очередную порцию яда, лишь бы доказать свою честность и поддержать репутацию.

Доктор пока еще не мог знать, что этой ночью из семи человек в Нидерландах, которые должны были либо тем же способом, либо путем отключения от аппарата искусственного дыхания отправиться на тот свет, все семь выжили, и милосердно убить их оказалось невозможным.

Аналогичная ситуация сложилась и в двух штатах США, Орегоне и Вашингтоне, где была разрешена эвтаназия; три человека таким же образом не умерли в Бельгии, один в Люксембурге, шесть в Германии...

«Такое ощущение, что Господь Бог в минувшую полночь отменил смерть от яда, в том числе и эвтаназию», – растерянно думал Людвиг Манולי, возвращаясь под утро домой. Он был шокирован происходящим, ведь смертельно больного друга удалось успокоить и усы-

пить только мощной дозой снотворного: лекарственные препараты на организм, как оказалось, подействовали.

– Но что делать дальше? Неужели это не экстраординарный случай, и теперь дальше дело так и пойдет? Вернее, не пойдет? – спрашивал себя Маноли.

Настоящую новую реальность глава клиники пока и представить себе не мог. Ему доложили, что подобное произошло этой ночью еще с двумя их клиентами, то есть проблема заключалась явно не в составе и качестве яда.

...Уснуть под утро у крайне взволнованного Людвига так и не получилось. Он стал звонить близким друзьям и коллегам в разные страны мира и рассказывать о феномене. В том числе руководитель клиники «Caritas» поговорил и с бывшим однокашником, ныне министром здравоохранения Израиля. Доктор Иаков Липман был крайне удивлен и, выслушав доктора Маноли, сказал следующее:

– А у нас обратная история. За последние шесть-семь часов, начиная с полуночи, самостоятельно не родила ни одна женщина, а тем, кто уже начал рожать, сделали кесарево, потому что схватки, даже самые сильные, необъяснимым образом прекратились.

– Получается, Иаков, у нас теперь нельзя умереть, а у вас – родиться? Что за проклятие?! Интересно, а других странах что происходит? – произнес в трубку Людвиг.

– По родам мы тщательно мониторим ситуацию в Евразии и Америке – везде тоже остановка, какой-то стоп-кадр. Абсолютно необъяснимая массовая патология. Ладно, будем разбираться, – откликнулся Иаков Липман и заторопился на совещание Ученого совета.

Израильский министр еще не знал, что уже в пятидесяти семи странах в эти часы собирались аналогичные советы медицинских светил, чтобы попытаться дать объяснение происходящему за последние сутки, начиная с полуночи с 12 на 13 декабря по иерусалимскому времени.

Везде творилось одно и то же: миллионы рожениц не могли родить, и надо было срочно принимать решение о небывалом в истории массовом применении кесарева сечения для спасения жизней матерей и младенцев.

В то же самое время миллионы дряхлых стариков, которым врачи уже не давали на жизнь и пары часов, так же, как и тысячи смертельно больных и готовых на «милосердное убийство» людей, никак не могли умереть своей смертью. Приходили только сводки о катастрофах, ДТП со смертельным исходом и убийствах. Умирать люди продолжали, но только неестественными способами. Естественная смерть будто бы приказала человечеству долго жить...

...Саму жизнь некоторые мудрецы считают пассивной эвтаназией. И вот эта пассивная эвтаназия в одну секунду прекратилась, остановилась, замерла на некоей невозможной точке.

Как будто с сумасшедшей скоростью в 300 000 км/сек. летел луч света. И вдруг натолкнулся даже не на стену из Вечности – нет, он столкнулся с таким же лучом тьмы, летящим ровно с той же скоростью. Это как материя сталкивается во Вселенной с антиматерией, после чего и происходит не взрыв, а что-то вроде стоп-кадра, zero, оглушительная неподвижность и тишина.

Бог и дьявол, Жизнь и Смерть уперлись друг в друга невидимыми миру лбами. И никто – до поры – не может победить на этой, недоступной миру людей границе.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Бог против всех

«Господи! Да будешь ты ни за, ни против нас!»

(Симон Бар-Кохба, вождь восстания против Рима, 132—135 гг)

Глава первая

Израиль, Тель-Авив, 17 декабря 2020 года, 12. 30 по местному времени

Ева Барак собралась смотреть по телевизору чрезвычайную сессию ООН. Звук был сильно приглушен. Молодая мама недавно покормила грудью новорожденного Давида, и тот, благодарно причмокнув губками, уснул в кроватке в соседней комнате. А израильтянка тут же бросилась к «ящику».

Страсть к просмотру телепрограмм появилась у Евы внезапно, и если бы ей еще неделю назад кто-то сказал, что она с таким вниманием будет слушать скучные токовища мировых политиков, она бы только посмеялась. Несмотря на молодость, девушка отлично знала: суть политики кроется во лжи и парадоксах типа того, что «лучшая республика – это монархия», как говорили во Франции середины девятнадцатого века.

Однако сейчас неожиданная тяга к новостям была вполне объяснима: в мире стали происходить пугающие и странные вещи.

«В такое время жить без информации для нормального человека просто невозможно. А я – молодая, стройная, красивая женщина двадцати семи лет, без внутренних комплексов и самоуничижения – как раз считаю себя нормальной, – думала Ева, перещелкивая кнопки на пульте в поисках самой информативной передачи. – Меня, как и большинство людей обычного склада ума, притягивают к себе три „з“ – загадочное, золотое, знаменитое. Ну, пожалуй, еще мне очень интересны вопросы грядущего изменения человека во всех смыслах – от биологического, до духовного. Это одно из „з“ – загадочное...».

Помимо всего прочего, девушка любила современную музыку и кино, с удовольствием танцевала, когда выпадала возможность оттянуться на вечеринках, занималась по мере сил спортом. Внешне Еву Барак вряд ли можно было отнести к определенному племени и, скажем, назвать «дитя еврейского народа». Однако сама молодая женщина помнила высказывание Сартра о том, что Израиль – единственная страна в мире, где можно назвать человека евреем, не опасаясь прослыть антисемитом.

В общем, ни социальная принадлежность к определенной группе, ни национальность Евы Барак не были ярко выраженными. Но при всей простоте поведения было в ней что-то неуловимо аристократическое – в осанке, поворотах головы, движениях рук, манере говорить...

Обладательница копны темно-каштановых волос, Ева так и завораживала людей взором оливковых, с печальной поволокой глаз, которые еще называют «болотными», потому что на ярком свете они становятся зелеными. Ее кожа, несмотря на жаркое израильское солнце, была очень светлая, и покрывалась под его лучами веснушками.

При всей смешливости характера и добродушии, девушка глубоко внутри была очень серьезно и даже трагически настроена: «от многой мудрости – многие печали». Она всегда помнила, что ее род – из земных страдальцев, что, например, ее прабабушка-полька содержалась в одном из западногерманских концлагерей, который в 1945-м году освободили американцы.

«Я уцелела чудом и таким же чудом сумела перебраться в США, там и познакомилась со своим будущим мужем. Мы вскоре переехали из Америки в новое государство Израиль. И, как ты видишь, милая, мы неплохо в итоге устроили жизнь и себе, и своему потомству, – рассказывала она девочке. – Только вот горе у нас какое с тобой случилось, мама и папа твои погибли от теракта в Иерусалиме... Бедная ты моя сиротка...»

Ева тяжело пережила гибель родителей, подростка долго водили к психологу. Девочка рано повзрослела и поумнела. В душе она возненавидела террористов и поклялась мстить им, насколько возможно, всю оставшуюся жизнь. *«Как может тот, кто презирает собственную*

жизнь, наглеть настолько, чтобы становиться хозяином твоей жизни и решать – умереть тебе, твоим близким, или нет?!» – душа в себе злость, размышляла девушка, прочитав изречение Сенеки на эту тему.

При этом Ева в принципе не питала неприязни к обычным, мирным и трудолюбивым арабам, в «Фейсбуке» среди ее друзей, с которыми она иногда переписывалась, была и палестинка Фатима, и иорданец Марван. *«Мусульмане как религиозная сила пришли на историческую сцену позже христиан, но это не значит, что они глупее или их религия хуже... Ведь в раннее средневековье, когда в Европе царил тьма мракобесия, именно арабские врачи, математики, поэты были светочами образования и прогресса, – размышляла юная Ева, читая книги по истории и культуре. – Другое дело, что экономические трудности, большая перенаселенность стран Ближнего Востока с их безработицей и неравенством, выталкивают мусульманскую молодежь в руки террористических проповедников. И от этого многие беды нашей общей цивилизации».*

Но потрясения юности, связанные с гибелью родителей, с годами слегка потускнели. Ева успешно окончила обычную государственную школу, получила аттестат зрелости. Несмотря на тягу к исторической и культурологической литературе, специальность Ева Барак выбрала себе иную – из естественных наук. Ей хватило знаний и усидчивости, чтобы поступить в Научно-исследовательский институт имени Вейцмана в Реховоте. Но перед этим девушка, как положено по закону, отслужила в Армии обороны Израиля, где провела два года, физически хорошо окрепла и закалилась.

В институте Ева выбрала направление биотехнологий и изучения в связи с этим возможностей ДНК-компьютеров, которые пришли на смену компьютерам кремниевым. Молодую женщину сначала заворожила простая мысль, что двойная спираль ДНК, по сути, не что иное, как программный код, общий для всех живых организмов на Земле, что по простоте и универсальности он стоит на одной ступени с машинным двоичным кодом. Однако при этом с ДНК возможно вытворять *такое...*

Затем она оценила перспективы того, что ДНК-компьютеры будут вести вычисления с высокой параллельностью, позволяющие анализировать все возможные решения задачи одновременно при помощи биохимических реакций.

Сделать молекулярные вычисления удобными и технологичными – такую задачу поставил перед своей группой ученых и примкнувших к ним студентов «на подхвате» доктор Эхуд Шепиро, один из создателей конечного биоавтомата, биологического транзистора. Группа занималась молекулярными, клеточными биохимическими технологиями и даже создавала для замены поврежденных – раковых, например – клеток орфанные препараты.

Ученые, помимо прочего, считали себя последователями знаменитого Крейга Вентера, который в 2010 году синтезировал первую в мире искусственную бактерию, фактически, став первым Создателем живой материи после Бога. Группа Шепиро негласно поставила себе цель вплотную подойти к созданию в искусственных условиях человеческого организма вплоть до мозга. Эти исследователи, в отличие от многих других, бесстрашно использовали знаменитую систему редактирования генов CRISPR-cas9 и получали почти фантастические результаты.

Ева с увлечением работала вместе с коллегами над этими потрясающими в перспективе проектами. *«Мы лезем в компетенцию богов, – записала она тогда в смартфон, где вела что-то вроде личных дневниковых записок. – Программируемая молекулярная вычислительная машина, при условии ее дальнейшего развития, боюсь, будет способна в обозримом будущем участвовать в создании не только искусственного разума, но и искусственного тела человека. А реконструкция базовой генетической матрицы, вмешательство в генетический код? Впереди у нас – метабиологическая эволюция человека по Джонасу Солку. Как же это все интересно!»*

Окончив основной курс, девушка даже решила пойти в существующую при институте школу постдипломного образования имени Файнберга – туда принимали студентов, желающих получить вторую и третью академическую степень.

Уже учась в школе и работая в статусе лаборанта-практиканта в группе Эхуда Шепиро, Ева довольно быстро и решительно – в штурме и натиске ей невозможно было отказать! – вышла замуж за надежного, хорошего парня и через год забеременела.

Весь год после замужества был тяжелым, в чем-то мучительным, ведь беременности от Евы ожидали чуть ли не мгновенной. Из-за явно надуманной задержки родители мужа даже предлагали молодой снохе лечение, так как боялись, что кто-то из молодоженов бесплоден. Но все разрешилось благополучно, и маленькое новое счастье семьи теперь тихо посапывало в кроватке светлой просторной квартиры семьи Барак.

+++

...Ева чуть прибавила звук телевизора. *«Попробую отнестись к предстоящему зрелищу серьезно, хотя это и непросто, ведь ООН как-то назвали «групповой терапией для населения мира» и «бабушкой, которую все уважают, но никто не слушается», –* подумала она.

Однако сейчас был тот самый редчайший в мировой практике случай, когда жаркие прения дипломатов и политиков привлекли внимание доброй трети из восьми миллиардов населения Земли, и даже тех, кто смотрит в своих жалких лачугах еще ламповые телевизоры.

Мир уже неделю находился в состоянии шока, и этот шок был далек от завершения. Наоборот, с каждым днем творящееся с людьми биологическое безумие становилось все непонятнее, страшнее. Поэтому и Ева Барак, ранее почти равнодушная к происходящему вне ее квартиры и семьи в Тель-Авиве, сейчас прилипла к экрану, как только младенец успокаивался и давал ей такую возможность.

– Ученые разводят руками и ничего не могут объяснить, потому что все это пока вне понимания науки! Однако наше руководство пришло к выводу, что налицо отвратительный акт международного биологического терроризма, – кричал с трибуны, перекосив холеное лицо российского вельможи, Василий Золотов, спецпредставитель страны в ООН. – Но не только это! Речь идет и о генетическом терроризме, применении новейших разработок теневого специальных лабораторий США и НАТО. Все беременные мира, по нашим данным, закончили либо выкидышами, либо вспомогательными сечениями, поскольку сами родить женщины уже не могут! Вот до чего довели род человеческий подлые политиканы Запада! Все мы тут на самом деле давно уже стали организацией разъединенных наций!

В зале, обычно флегматично выслушивавшем любую политическую ахинею любого представителя почти двухсот стран мира, на этот раз остро реагировали на все заявления такого рода, что свидетельствовало об общем паническом настроении мировой элиты. Раздались крики, свист и даже заунывные звуки какой-то африканской трубы из кости носорога.

– Как вам не стыдно перекладывать проблему с больной головы на здоровую! Мы уверены, что это продолжение вашей, российской агрессии против мировой цивилизации, которую вы начали военным путем с Крыма и Украины в 2014 году, и потом нагло разбомбили всю Сирию, в придачу с Эстонией и Польшей. А теперь вы занялись генетическим, биохимическим терроризмом, развели террор уже на клеточном уровне! – злобно закричала в ответ спецпредставитель США Саманта Оруэллс. – Не вам в нас тыкать вашими окровавленными пальцами, господин Золотов! Мы знаем и про генетическое оружие, которое вы начали разрабатывать еще при СССР, а потом только сделали вид, что прекратили!

Здесь Золотов, уже плюнув на протокол, снова выскочил на трибуну, с которой было ушел, и буквально вытолкнул оттуда мулатку Оруэллс:

– Наш президент Вячеслав Владим не имеет к этому и к решениям 2014 года никакого отношения. Мы помогли миру избежать Третьей мировой после Польши и Эстонии, когда мы извинились перед ООН за допущенные перегибы.

– Ничего себе... перегибы! – возопила оправившаяся после наглого нападения русского дипломата американская язва Оруэллс. – Это так теперь называется возникшая у вас вдруг привычка засыпать ракетами страны НАТО?! Только наше христианское терпение и мудрая политика не позволили утопить планету в ядерном огне из-за вашего бывшего параноика...

...Ева зевнула и взяла с тарелки очередную виноградину. Она быстро уставала от потока политической злобы, хотя и понимала, что людям и государствам в новых условиях надо выпускать накопившийся пар, иначе кипящий котел просто рванет.

Ее Арон скоро придет с работы, и тогда они обсудят все самое важное, что происходит с большим миром и их маленьким мирком. Они с супругом были ровесниками, поэтому их естественным образом объединяли общие интересы.

+++

А познакомились Ева с будущим мужем во время ее учебы на последнем курсе в институте Вейцмана. Она пришла в гости к своей подруге, и там как-то быстро разговорилась с ее братом Ароном, вернувшимся из армии. Это был высокий, спортивный молодой мужчина с темными волнистыми волосами и почти черными глазами, смуглый, с крупным носом – все в нем свидетельствовало о мощной, древней породе сыновей Израиля. Правда, Ева любила иногда приколоть курчавого мужа тем, что у него среди предков «точно был араб». Но что бы там ни было на самом деле, а молодой крепкий парень отслужил в Армии Израиля 36 месяцев и сейчас работал в офисе своего отца начальником отдела коммуникации.

Как женщина с сильным характером, мужа Ева Барак выбрала сама, сразу тогда решив: «Этот красавчик будет мой, не отдам! Буду доводить его до „кондиции“, обтесывать и воспитывать, аккуратно, без нажима, чтобы не взбунтовался». Представления о слабостях мужской психологии девушка, в основном, черпала из книг и фильмов, но думала, что сможет ими воспользоваться к своему удовольствию.

О сути и странностях любви Ева в ту пору не сильно задумывалась, скорее, ее волновало бытовое удобство. Молодая семья получила в наследство квартиру из трех комнат в столице страны, купила недавно новый автомобиль. Шекелей, в принципе, хватало, и будущее до последнего времени рисовалось вполне себе в радужных тонах.

...«Какой же хорошенький у нас получился мальши, и глазки, как у меня и у бабушки, – с нежностью подумала Ева, на цыпочках прокравшись в соседнюю комнату, чтобы полюбоваться на спящего сына. – Только вот появился он в смутное время... Что со всеми нами будет? Рождение ребенка меняет твой мир, изменяет приоритеты – это правильно говорят опытные люди. До беременности я наслаждалась собственной свободой пойти куда захочу, увидеться с кем хочу, могла с радостью, без остатка, тратить на себя свободное от учебы или работы время. Я видела мир ярким, цветным и милым, а если чего и боялась, то только, наверное, смерти... да и боялась я за себя только, даже не за мужа. Зато теперь почти все мои страхи и тревоги – об этом маленьком существе, которое сегодня так забавно ухватило губами мой сосок, ища молоко...»

Молодая мать вернулась к телевизору и еще больше прибавила звук. Выступал представитель Китая, сухопарый, смахивающий на старого ученого Сунь Чжон.

– Что касается генетического оружия, то мир, конечно, может иметь дело с этой страшной разновидностью оружия биологического, запрещенного, как известно, Женевским протоколом 1925 года. Однако прекращение родовых функций у всех известных нам женщин планеты и прекращение естественных смертей говорят о неизбирательности нового вируса или оружия, а главное – непонятно, кто и в каких интересах устроил над нами этот жуткий эксперимент. Поэтому Китай считает, что прекращение биологического цикла «рождение-смерть»

у гомо сапиенс, и сохранение этого цикла у всех остальных живых организмов на планете говорит о чем-то совершенно неизведанном в научном плане, а не о злом умысле отдельных государств или групп людей.

«А ведь он, пожалуй, прав, – подумала Ева. – У какого сумасшедшего есть такие ресурсы, чтобы в один миг, совпавший, судя по всему, с моими родами, остановить важнейшее для человека – его биологические часы? И для чего это делать? Неужели только для того, чтобы в обозримом будущем десятки миллиардов людей на оскудевшей ресурсами планете не передрались в атомной бойне за воду, хлеб и жилища? Писатель Габриэль Лауб как-то сказал: „Время от времени человечество отклоняется от логической линии своего развития. Поэтому оно еще существует“. А вдруг он прав и теперешнее отклонение – просто механизм самозащиты нашего рода от исчезновения?»

Вспомнив об одном из любимых писателей и журналистов, Ева сняла с полки над компьютерным столом любимую книгу с мудрыми мыслями и полистала ее. Она тут же нашла еще несколько, как ей показалось, подходящих к нынешней ситуации высказываний:

«Человечество стоит на распутье между смертельным отчаянием и полным вымиранием. Господи, даруй нам мудрость сделать правильный выбор», – взмолился однажды актер и режиссер Вуди Аллен.

«Люди становятся орудиями своих орудий», – говорил еще полтора века назад американский писатель Генри Торо. Ему век спустя вторил поляк Станислав Лем, заявив: «Мир нужно изменять, иначе он неконтролируемым образом начнет изменять нас самих».

...Дверь негромко хлопнула, Арон поцеловал в губы подошедшую к нему жену и приласкал подбежавшего усатого мурлыку – в семье оба взрослых любили кошек, а Ева даже активно подкармливала попадавших иногда бездомных животных.

– Малыш спит? – спросил Арон, погладив мать семейства по спине.

– Ага, уже второй час, я его покормила, он не плакал сильно, так что все в порядке.

– Вот и отлично, давай пообедаем, я на полчаса заскочил, потом снова поеду в офис, там важная встреча.

Они сели за столик перед телевизором – так было заведено всю последнюю неделю, когда «ящик» не выключался все дневное время, поскольку волна пугающих новостей день ото дня поднималась все выше, и не интересоваться ими было невозможно. Ева быстро накрыла, и Арон, прожевав первый кусок мяса, спросил:

– Ну что, в ООН еще не начали стрелять?

– Боюсь, скоро и до этого дойдет. Мордобой дипломатов Южной и Северной Кореи утром уже был, к обеду сцепились русские с украинцами, прямо ноутбуками швырялись, как снежками, – усмехнулась Ева. – И вообще, «...чтобы стать пророком – достаточно быть пессимистом», как заметила Эльза Триоле.

– Опять мудрых мыслей начиталась? Только что, похоже? – шутивно погрозил ей пальцем Арон.

Оба супруга улыбнулись, а затем понимающе покивали головами. Телевизор в это время гудел голосами дипломатов. Судя по происходящему, было очевидно: нервы сдают не только у отдельных людей, но у целых государственных элит, даже дипломатических. А это дурной знак, потому что уже мало кто сомневается: достаточно какой-то крупной провокации, крупной техногенной катастрофы или теракта, чтобы человечество пошло совсем вразнос. Ведь эти ощущения – то ли Третьей мировой, то ли глобальной катастрофы неведомого масштаба – витали в воздухе и поселились в душах людей, пожалуй, чуть ли не с миллениума...

– Да, наверное, все покатило под откос с того самого 11 сентября в Америке, – открыв бутылку вина, начал уже вечером, после ужина еженедельный семейный диспут Арон Барак. Эти диспуты они с Евой решили устраивать по нескольким причинам. Во-первых, и это не скрывалось, чтобы убивать семейную скуку, которая губит семьи, а также, чтобы

не паяться до одури в «ящик». И чтобы было весело. И чтобы развивать навыки общения и дискуссии. И чтобы повышать культурный и образовательный уровень. И, во-вторых, и, в-третьих...

В общем, им просто нравилось находить в словаре слово наугад – на определенную в этот вечер букву – и плести вокруг найденного слова интеллектуальные паутины смыслов и понятий. Начали, конечно, с буквы «А» – армия. «Фуражка деформирует голову» – тут же ввернула Ева цитату, поддразнивая Арона, который к Армии относился с большим уважением. Он отвечал на это другой цитатой, мол, я изучаю военное дело для того, чтобы мои сыновья могли спокойно изучать философию, искусство или математику. Спорить было, кажется, не о чем, пошли дальше.

На «Б» выпало слово «будущее». И снова Ева поддразнила Арона цитатой, которых она помнила тысячи. «Будущее будет черным», – сказал как-то негритянский писатель Болдуин. Арон обвинил ее в бытовом расизме и напомнил «закон Финнигана»: «Чем дальше будущее, тем лучше оно выглядит». Тут они проспорили долго. Молодая супруга упражнялась в пессимизме, а ее муж уверял, что будущее светло и прекрасно. Общего языка в этом вопросе они так и не нашли.

На «В» – выпало слово «восторг», и так далее...

К этому вечеру они дошли до буквы «С», и Ева наугад ткнула пальцем в раскрытый том словаря. «Самоубийство».

– А при чем здесь 11 сентября 2001 года в США? – откликнулась Ева на самую первую фразу мужа.

– Это был первый театральный звоночек новейшего времени перед началом последней общей суицидальной драмы. Я хочу начать с самоубийства человечества, которое мы сейчас наблюдаем. Будь я писателем, то сочинил бы роман о самоликвидации, самоубийстве рода людского, который истребляет себя войнами, терактами, паразитирующим на природе образом жизни, разрушающим экологию. Если цитировать твоих любимых мудрецов, то я помню слова поляка Антония Регульского: «Мы вышли из пещер, но пещера еще не вышла из нас».

– Да, согласна полностью с ним и с тобой – не стала спорить Ева. – Насчет романа о самоубийстве гомо... Здесь и сочинять особо нечего, бери и описывай то, что видишь за окном. Но почему люди, их серьезные институты вроде Совбеза ООН не отдают себе четкого отчета в происходящем? Или отдают – но все засекречено, чтобы раньше времени не поднимать панику? Думаю, в глобальном масштабе у нас медленно, не очень заметно, но верно отключается базовый родовой биологический инстинкт самосохранения, размножения... Даже мои странные роды и все происходящее в эти дни подтверждают этот тезис.

– Но если львиная доля обычных людей к самоубийству не склонна, то почему все индивидуумы вкупе толкают сами себя под откос?

Арон налил себе в бокал вина. Торшер мягко освещал комнату, ребенок спал, и мир казался вечным и прекрасным.

– Психология толпы, безумие масс, – откликнулась Ева. – Все это подробно описано в соответствующей литературе. А частные лица... В мире, по данным ВОЗ, ежегодно прибегает к суициду около 800 тысяч человек, население среднего города. Почему? Вот что тебе в теории надо, чтобы поднести пистолет к виску?

Арон помолчал несколько секунд, потом сказал:

– Полностью отчаяться в смысле жизни, потерять цели и мотивации, всех дорогих любимых людей... Зачем тогда топтать землю?

Ева тоже немного подумала, представляя себе обрисованную мужем ситуацию, а затем произнесла:

– Что интересно, по статистике второй причиной смертности в нашей с тобой возрастной группе, то есть, от 15 до 30 лет, становятся именно самоубийства. Но вот как в таком молодом

возрасте можно потерять все то, о чем ты сказал? И даже если потерял, есть еще куча времени, чтобы начать все сначала. Зачем ставить бесповоротную точку? Я бы никогда не стала этого делать. Кстати, все авраамические религии считают суицид греховным.

– Но мы-то с тобой люди светские, – улыбнулся Арон, поцеловал жену, обнял за талию и ласково стал двигать в сторону спальни.

– Предлагаю, милая, закончить эту увлекательную дискуссию под теплым одеялом.

Ева улыбнулась и слегка отстранилась:

– Ну... поговорить там еще можно... а вот все остальное – увы... я ж еще не отошла от родов, так что терпи.

И девушка щелкнула мужа по носу.

+++

Нидерланды, Амстердам, 17 декабря 2020 года, 13. 30 по местному времени. Международная конференция «Проблемы биологического цикла человечества», отель InterContinental Amstel

Этим утром доктор Людвиг Маноли прилетел на срочно созванную конференцию, где собрались не только медицинские светила Европы, Азии, Австралии и Америки, но и видные представители важных экспертных, деловых и политических кругов мира. Он поселился в том же отеле, где проходили дискуссии, и уже провел ряд встреч с целью прощупать настроения и планы в данной кризисной ситуации своих коллег из истеблишмента.

На важную конференцию известный доктор был зван не случайно. Он и его семья прочно вошли в европейскую элиту, и, надо сказать, вполне заслуженно. Людвигу было 50 лет с копейками, он родился в 1970 году. А началось все с того, что его отец Эммануэль на волне хрущевской «оттепели» в 1962 году приехал в Советский Союз, где влюбился в манекенщицу столичного Дома моды Светлану. Женившись на красавице, Эммануэль увез ее в Женеву.

Через три года у молодых влюбленных родился их первый сын Виктор. Повзрослев и осознав, что он является отпрыском известного в Европе «милосердного убийцы», Виктор не сумел принять отцовского занятия. Сначала парень, как мог, бунтовал: секс, наркотики, рок-н-ролл... Ну а потом, подлечившись, стал католическим священником.

Младший сын был назван Людвигом и внешне оказался очень похож на мать – высокий, русый, с круглым и даже миловидным лицом. Всю жизнь Людвиг Маноли сохранял стройность, занимаясь спортом и стараясь минимально предаваться разрушающим здоровью порокам. Он знал несколько языков почти в совершенстве.

Годы словно припорошили его пылью, он поседел, но красоты не утратил. Людвиг всегда очень любил мать. В отличие от старшего брата, Людвиг Маноли всегда считал отцовскую деятельность настоящим милосердием, поэтому стал ему помощником и подлинным наследником, хотя, конечно, отцовские деньги они с братом поделили поровну, и вышло по 16 миллионов евро с хвостиком на брата.

Людвиг с отличием закончил школу Institut auf dem Rosenberg в Сант-Галлене – его привлекло там многообразие языковых программ. Позже он закончил в Университете Джона Хопкинса медицинский факультет, давший миру 19 нобелевских лауреатов. Однако этого ему показалось мало для успешной деятельности клиники и собственного престижа, поэтому он еще получил юридическое образование в Швейцарии.

Людвиг Маноли никогда не был женат, хотя любовницы у него не переводились – женщин привлекала загадочная и несколько таинственная репутация знаменитого «доктора Смерть». Его любимая мать Светлана умерла в 2000 году от опухоли мозга, которую не смогли вылечить. Она мучилась долго, но принципиально не просила о смерти, так как была верующей и не хотела обрекать своего сына и мужа на убийство, да и сама не смогла. Это событие стало для Людвига внутренней трагедией.

У Маноли-младшего было несколько квартир в Швейцарии, Франции, Нью-Йорке и Лондоне. В каждой стране он до недавнего времени предпочитал содержать по любовнице. Однако год назад Людвиг резко прекратил эту практику, очевидно, пылко влюбившись.

...А сейчас доктор Маноли внимательно слушал очередного докладчика на конференции – знаменитого профессора молекулярной биологии из Мичиганского университета США Джона Апдейка.

– Многие мои товарищи по научной работе так же, как и я, провели срочные исследования на клеточном уровне, в том числе и уважаемый нами всеми Нобелевский лауреат, доктор Есинори Осуми. Некоторые выводы очевидны и не вызывают сомнения: в клетках человека выключился механизм переваривания клетками их собственного «мусора», выделения энергии от переваривания и за счет этого – создания себе подобных клеток. Новые клетки не создаются – старые не отмирают, проще говоря. Отключилась биологическая «команда» программирования смерти клетки у вида гомо. Причем, особо подчеркну: только этого, нашего с вами вида во всем биологическом разнообразии мира. Такое впечатление, коллеги, извините за образность, что Господь решил: «Хватит вам плодиться и размножаться». Клетки всех человеческих организмов будто застыли в развитии-обновлении-умирании на «стоп-кадре», в состоянии на момент 01.59.59 секунд 12 декабря, года 2020, по Гринвичу. Это невозможно с точки зрения любой из наших научных школ, с точки зрения биологии, антропологии, физики и химии, всех известных науке теорий развития. Это абсолютно невозможно!

Зал зашумел, причем трудно было понять, одобряют или осуждают присутствующие утверждения Джона Апдейка.

– Остановлены рождения новых и умирания старых людей, закончивших свой биологический век. Кто, как и зачем это сделал – боюсь, здесь мы с вами этого не поймем, не узнаем и не решим. Не хочу грешить на Бога, да и не мое это дело. Про инопланетян тоже говорить здесь не буду, у нас достаточно истеричных ток-шоу в мировых СМИ, колдунов, магов, целителей и политтехнологов, чтобы все желающие могли насладиться всеми доступными разуму теориями заговора. Мы же как ученые должны еще раз попытаться понять, как такое стало возможно, какие из известных нам механизмов природы могли привести к такому вот трагическому результату...

Апдейк покинул трибуну, уступив место вертлявому профессору биологии из МГУ Юрию Воскобойникову, который тут же оптимистично крикнул в зал:

– Но, господа, позвольте не согласиться с уважаемым коллегой Джоном насчет трагедии. Мы же с вами присутствуем при фантастическом развитии событий, когда сбылась главная мечта человечества – мечта о бессмертии. Если привычные биологические часы человека вдруг снова не запустятся, или нам как ученым не удастся их запустить, то мы с вами станем счастливейшим поколением Земли – поколением бессмертных. При всех, конечно, издержках...

Воскобойников вдруг помрачнел и быстро покинул подиум. Место на трибуне занял глава Департамента по экономическим и социальным вопросам в составе Секретариата ООН Жювьё Грац. Он строго посмотрел в зал и заявил:

– Уважаемые господа ученые, коллеги! Только что здесь были произнесены слова об издержках. Должен вам рассказать о том, каковы же эти издержки в мировом масштабе по нашим данным за одну только прошедшую неделю.

Он долго и мучительно кашлял, видимо, его подтачивала какая-то болезнь. Однако чиновник при этом активно шелестел бумажками, подыскивая нужную. Наконец глава Департамента ООН произнес:

– По нашим данным на критический день 12 декабря в мире было официально зафиксировано 21 миллион 560 тысяч беременностей. В большинстве случаев произведено кесарево сечение, остальные беременности закончились необъяснимыми с точки зрения гинекологии выкидышами.

Средняя рождаемость по Земле примерно 4 человека в секунду прекратилась, как и средняя смертность примерно 2 человека в секунду. Из восьми миллионов стариков всех стран, которые по всем показаниям должны были на этой неделе покинуть наш мир, никто так и не умер, Однако их страдания по болезням продолжаются.

Вечным взрослым», которыми теперь мы все стали, еще повезло: у нас есть, как правило, работа и возможность себя обеспечивать. Но что нам делать с миллиардом «вечных детей» возрастом от одной секунды до 15—16 лет, которые вряд ли в состоянии зарабатывать? Сколько времени мы сможем их содержать, не угробив мировую экономику? Что нам делать и с «вечными стариками», которые одну ногу уже как бы опустили в могилу, а шагнуть туда второй не могут? Кто будет их непрерывно обслуживать и кормить? Эти вопросы пока что остаются риторическими.

К концу этой недели из тысяч гинекологических клиник и кабинетов поступили данные о задержках месячного цикла у примерно полутора миллиардов женщин, что настораживает и ставит вопрос: а не прекратятся ли вскоре месячные вообще у женской половины человечества по уже известным нам печальным причинам? Одновременно анализы, взятые у экспертной группы мужчин, показывают, что их организмы перестали вырабатывать сперматозоиды, что в худшем варианте приведет не только к бесплодию, но, возможно и к массовой импотенции...

Зал ахнул и загудел. Людвиг почувствовал, как внезапно тошнота подступает к горлу и ослабил узел галстука. Он сидел с краю на дальнем ряду, поэтому встал и быстро вышел из зала.

В просторном и прохладном холле Людвиг сел в мягкое кресло под огромной люстрой, и ему стало легче. Рядом на столике лежали газеты из крупных стран мира, и поскольку Маноли знал несколько языков, то, чтобы отвлечься от мрачных раздумий, он стал просматривать короткие сообщения. Но облегчения это явно не принесло.

«Новая газета» (Россия): «В Сергиевом Посаде настоятель одного из монастырей о. Варсонофий (Мундяев) выбежал в туристический двор абсолютно голый, прикрывая срам только свисавшим до колен животом, и стал кричать Богу анафему, махать кадиллом вокруг головы и орать во всю мощь: „Армагеддон грянет, покайтесь!“ Полиция с трудом скрутила священника и отвезла в больницу. Аналогичные случаи отмечены еще в десятке российских областных городов с крупными церквями и монастырями. Крестные ходы и молебны, идущие в массовом порядке, парализовали многие транспортные магистрали. Начались столкновения с водителями автотранспорта, не имеющими возможности проехать к месту назначения».

The Times of India: «Известная секта Бхагван Шри собралась в районе Нового Дели на общую сходку. После длинной и яркой призывной речи гуру в центр круга из тысячи человек вытолкнули всех беременных сектанток и, введя их в транс, заставили вскрыть себе животы, после чего другие сектантки помогали извлекать оттуда и тут же душили младенцев. „Мир прошел мимо Будды. Мир проходит мимо нас, просветлитесь, непросветленные! Смерть тьме!“ – кричал при этом Бхагван и люди царапали себе лица. Подоспевшая позже полиция лишь зафиксировала массовое убийство младенцев, но мер реагирования принять не смогла ввиду превосходящей численности сектантов».

USA Today: «Подросток из Орlando Майкл Смиттсон вскрыл сейф с отцовским винчестером и отправился в местный хоспис, где уже неделю не мог умереть и мучился его дед. Убив охранника, он застрелил после этого не только своего деда, но и еще 14 лежачих пациентов хосписа, после чего сдался подоспевшей полиции. Решается вопрос о вменяемости подростка и предъявлении ему обвинений в умышленном убийстве».

«Iran»: «Как крупнейшая газета Исламской республики, мы с радостью публикуем обращение нашего великого аятоллы Хаймани о пришествии в мир главного врага Аллаха: «*Прогнивший Запад окончательно прогневал всех пророков и даже самого Аллаха, на нас наслали чуму бесплодия и чуму бессмертия, противного замыслу Аллаха... Запад должен запла-*

тяться за свои преступления... Призываем весь мусульманский мир сплотиться и ответить на этот страшный вызов неверных нашим Последним Великим Джихадом. Борьба против сионистов и современных крестоносцев – наш священный долг. Об этом говорит наш великий лидер сопротивления крестоносцам Юсуф Абдель Хамид, и да сбудется воля Аллаха! Так поднимется же на священную войну весь арабский мир!!!»

«И ведь поднимется, и что с ними делать? Кошмар. – Это странное слово вдруг возникло в голове Людвига, которого еще недавно за глаза называли „доктор Смерть“ и считали, что ему сам дьявол брат. – Правда, будто конец света наступил... Хотя, еще, кажется, не совсем...».

Он огляделся по сторонам. Из зала постепенно выходили участники конференции. На их лицах читались в основном тоска и растерянность. «Тот самый случай, когда говорят: наука здесь бессильна, – тихо сам для себя произнес Маноли. – Но ведь мракобесие, которое сейчас исполняет торжественный танец по всему миру, окончательно нас всех добьет. И это еще политики не сцепились всерьез... Тогда совсем тушите свет».

Доктор «бывшая Смерть» поднял вдруг голову, посмотрел на золоченый потолок и задумчиво поплелся в бар, чтобы немедленно выпить. И побольше. Там собралась уже приличная толпа, даже образовалась очередь.

«Сколько у нас вариантов? Если большое расширение Вселенной вдруг столкнется с большим сжатием, то потечет ли время вспять? – вдруг пронеслось у него в голове вместе с визуальным образом Стивена Хокинга, застывшего в своей вечной коляске. – Или все сольется в одной точке, жизнь и смерть?»

Взяв себе двойную порцию водки, Маноли огляделся в шумном баре и вдруг заметил за столиком у окна одного хорошо знакомого человека, с кем ему была бы интересно поговорить именно сегодня. Это был Теодор Пири из известного немецкого Института антропологии.

Людвиг подошел, поздоровался с ученым и попросил позволения присесть, после чего, расположившись напротив профессора Пири, заявил:

– Я тут слышал одну теорию насчет происходящего. Надо ее проверить, подтвердить, конечно...

– Что за теория? – поинтересовался собеседник, пригубив белое вино из фужера.

– Долго излагать подробности, но, как сказано в одном хорошем старом фильме, «мать-природа – серийный убийца», и после пяти-шести волн уничтожения биологического населения Земли, кажется, пришла седьмая. Нам придется взглянуть в глаза правде, как в глаза смерти. Человечество уже в обозримой перспективе будет либо уничтожено полностью, либо сильно прорежено...

Теодор Пири задумчиво посмотрел вдаль сквозь чистейшее стекло отельного бара. Потом произнес:

– Но, смею заметить, речь пока идет даже не о вымирании нашего вида, и уж тем более остальной флоры Земли. Люди могут – и, боюсь, так и будет – просто сами себя постепенно истребить, несмотря на наступившее вроде бы бессмертие...

– В том то и дело! – воскликнул Маноли. – Великий замысел Природы, Бога может быть именно в том, чтобы убрать людей со сцены не своими руками, а запустить механизм самоистребления...

И будто в подтверждение высказанной мысли едва начавшийся разговор прервал громкий взрыв на парковке отеля. Несколько автомобилей взлетели на воздух. Завыли сирены эвакуации и все сломя голову, толкаясь безо всякой учтивости, гуртом помчались к выходу из отеля.

Глава вторая

Штаб-квартира ЦРУ, США, Лэнгли, Вирджиния. 22 декабря 15. 40 по местному времени, офис замдиректора по стратегическим инициативам Стенли Кирби

«Похоже, дело совсем труба, раз они решили меня активировать, меня – самого, наверное, ценного агента в истории российской разведки в Америке», – думал мужчина средних лет, удобно расположившийся в просторном дорогом кресле и рассеянно пролистывавший толстым пальцем страницы заложённых в ноутбук сайтов.

В интернете творилось что-то феерическое.

Известные и широко читаемые американские сетевые ресурсы наперегонки сообщали самую дикую чушь. Сайт «*Йорк-ньюс*» вслед за статьями на тему «Только ли Линкольн, Никсон и Рейган являлись рептилоидами» публиковал обширную статью-расследование, раскрывающую эксклюзивные и жуткие подробности тайного прилета инопланетян в горы Тибета, непосредственно на вершину Джомолунгма, откуда они направленными биокосмическими лучами сотворили то, что ныне и происходит.

В другой статье, чуть позже, подробно расписывались не менее страшные детали спецоперации «наследников Дутина» – тайной спецгруппы биологических киллеров из России, – которые задалась целью сначала всех «заморозить», ограбить, а потом перерезать без возможности регенерации человеческой популяции.

Популярный канадский сайт «*Правда обо всем*» сообщал, что поднявшаяся из глубин Марианской впадины неведомая цивилизация невидимых прачеловеков пытается осуществить свою экспансию на Земле, заставляя людей истреблять друг друга без возможности воспроизведения. Для этого они распылили в атмосфере специальный биогаз с ферментом «замороженной клетки»...

Иранский сайт «*Победа Аллаха*» рассказывал, как проклятые американцы в 1945-м году завладели данными о молекулярно-генетических опытах в фашистских концлагерях, где женщин искусственно делали бесплодными, а мужчин – импотентами. И вот, спустя 75 лет, янки, применив новейшие биотехнологии, добились такого же результата в глобальном масштабе. За что, конечно же, должны быть наказаны воинами Аллаха в Последнем Великом Джихаде...

Нашелся, правда, украинский сайт с явно неудачным названием «*Бессмертие навсегда*». Однако этот ресурс, опираясь на интервью с приличными учеными, на удивление разумно писал о так называемой «компрессии» ДНК: «Каждая из наших хромосом состоит из молекулы ДНК в невероятно сжатом состоянии: надо уложить в клетку размером в несколько тысячных миллиметра 46 хромосом, которые при разворачивании и укладывании друг рядом с другом образуют нить длиной два метра. Для мощного сжатия ДНК клеточная механика заворачивает ее вокруг белковых комплексов, гистонов. Но со временем ДНК слабеет, поскольку ацетиловые группы цепляются за гистоны. Единственное решение для повторного сжатия ДНК – энзим SIR2, который отделяет ацетиловые группы, собравшиеся на гистонах. Двойная спираль ДНК может сжиматься снова, а это главный процесс для прочтения и действия генов...». В общем, этим как бы объяснялось неведомое откуда возникшее бессмертие людских организмов и это хотя бы отчасти напоминало что-то научное...

...Стенли устал и подошел к зеркалу, чтобы причесаться, что он делал изредка и для своего рода релаксации. Смешно, но Кирби прической был похож на президента США Говарда Хампа, что в самом деле забавляло окружающих и прежде всего самого Хампа.

Однако все знали, что Кирби – далеко не дурак, да и взгляд разведчика-аналитика выдавал незаурядный ум и проницательность. При этом Стенли был тучен и никак не мог счи-

тать себя суперагентом в классическом понимании: он бы не смог стрелять «по-македонски», не сумел бы вырубить врага резким ударом пальца в точку смерти на теле, не смог бы даже догнать удиравшего соперника на расстоянии каких-то ста метров...

Зато он умел другое, куда более важное в наш век дикого обвала информации: отсекал тонны лишнего, добывал граммы важнейшего, тщательно анализировал, продумывал комбинации и предлагал начальству варианты действий, более того – выдавал вариант самый удачный и предпочтительный. И практически никогда не ошибался. Иначе он не сидел бы здесь, в статусе фактически второго человека мощнейшей внешней разведки мира, являясь при этом феноменально законспирированным агентом России уже четверть века.

А все началось с его отца – многолетнего резидента ЦРУ в Советском Союзе времен разгара холодной войны. Джон Стоун был хорошим профессионалом, но имел один, тщательно скрываемый им от начальства недостаток: он был без ума от женщин. Его темперамента хватало и на безропотную толстушку жену Клару, и на двух-трех любовниц одновременно и в разных местах Москвы.

Вашингтонское начальство контролировать рабочее время Джона не могло, так что парень резвился как хотел. Одна из подружек разведчика забеременела и в 1970-м году родила крепкого здорового карапуза.

Получив от любовника-резидента Джона Стоуна круглую сумму в валюте для нескольких походов в специальный магазин «Березка» с дефицитными западными товарами, девушка успокоилась, тем более, что ей и самой не хотелось портить себе биографию и афишировать свою связь с американцем.

В свидетельстве о рождении мальчика она записала фамилию и имя своего погибшего на войне деда, на том всё и стихло. Правда, через месяц после рождения младенца к ней нагрянули люди в штатском из КГБ. Они объяснили молодой мамаше, кем был ее бывший ухажер, и как крепко ей надо держать язык за зубами. И, между прочим, предупредили ее, что, когда мальчик вырастет, его надо будет без сопротивления отдать в высшую школу КГБ, поскольку ведомство надеялось в будущем шантажировать растущего в чинах американского папашу брошенным сыном...

Но пока до этого еще было далеко. Мальчик рос, как все советские дети, посещал детский сад и школу. От сверстников он отличался только одним: любовью к чтению. Поскольку мама трудилась библиотекарем в Центральной детско-юношеской библиотеке Москвы, она имела возможность доставлять в дом любые, самые редкие книги. А подрастающий паренек был и рад: вместо коньков, спортивных секций или музыкальной школы, что было очень распространено в те годы, он посещал лишь домашний диван, где запоем, после уроков читал все подряд, особенно ценя западных писателей-классиков.

Рос он рыхловатым, скучноватым «занудой», как прозвали его в классе, относительно беззлобно шпыняя на переменках. И лишь однажды умный не по годам подросток заинтересовался у мамы:

– А кто был мой папа и где он сейчас?

Не ожидавшая уже таких вопросов, мама испуганно оглянулась на входную дверь и почему-то шепотом ответила:

– Он... он был большим человеком... правда, в другой стране... И туда он уехал, я не знаю, где его искать, да и тебе не надо. Мы ведь хорошо живем с тобой вдвоем?

– Да, – кратко буркнул паренек, и на том его любопытство до поры до времени ограничилось.

Окончив школу с золотой медалью, юноша поступил на филологический факультет МГУ, где ему уже на четвертом курсе было настоятельно рекомендовано сдать вперед выпускной диплом и экзамены и перейти на дальнейшую учебу в высшую школу КГБ.

Там парень обучался до 1995 года. Постепенно он узнал правду об отце, в совершенстве и без акцента овладел английским, специализировался на особенностях подготовки и работы агентов ЦРУ и довольно быстро был готов к перемене жизни: его ждало внедрение в разведку США.

Как ни странно, это внедрение прошло успешно. Более того, паренек, ставший теперь Стенли Кирби с ловко состряпанной биографией «обычного американца» из Оклахомы, стал резко карабкаться по служебной лестнице. Скорее всего, большую роль сыграла его случайная встреча с тогдашним директором ЦРУ, состоявшаяся в связи с одной секретной операцией в Никарагуа.

То ли сердце, то ли еще что подсказало директору, что перед ним не обычный штатный аналитик, коих у него была туча. Неожиданно даже для себя он выделил Стенли – по сути, собственного сына! – и стал его всячески отмечать и профессионально выращивать. Уже через 15 лет Кирби оказался в должности заместителя директора ЦРУ – одним из высших чинов американской разведки, лучшим аналитиком своего ведомства.

И сейчас в стране еще недавно страшившего мир ядерной войной сумасброда Дутина о нем знали только три человека из высшего руководства – сам президент, премьер и директор ГРУ. Таким образом, выдать его было некому, и лишь потому Стенли продержался так долго.

До сих пор эффективность его работы на Россию равнялась нулю – он не передавал туда никакой информации и не получал оттуда вообще ничего. Разведчик понимал, что его держат для единственного и важнейшего шанса, часа X, когда ему, судя по всему, придется пожертвовать всем... ради всего...

Да, конечно, сейчас Стенли мог отказаться от задания, тем более, что получил он его очень странным образом. А дело было так. Пару дней назад его позвали вместе с директором ЦРУ Люком Коннором и директорами АНБ и ФБР, чтобы в кулуарах ООН лично познакомиться с новым президентом России Вячеславом Владиным, который был куда более лоялен США, чем покойный Дутин.

И когда российский лидер пожимал ему руку, Стенли Кирби, вдруг остро похолодев, почувствовал: между пальцев ему ловко всунута крохотная записка. Как в старые добрые времена разведки каких-нибудь лохматых 17—19 веков... Записка! Передал лично президент другой страны. Забавно! Однако и максимально безопасно, что ни говори. В электронный век – не отследить никак.

Да, можно проигнорировать задание. А звучало оно так: найти в секретных разработках и лабораториях США или иных стран первопричину происходящего. Установить, в частности, и особо: был ли контакт на высшем уровне с инопланетным разумом, поскольку технология, останавливающая биологическое развитие человека от рождения до смерти на Земле отсутствует. И непременно передать найденное в Россию.

Можно было бы, наверное, в итоге даже отбрехаться от неизбежно раскрытого компромата на него, Стенли. Если он уйдет в отказ и компромат будет открыт, то он скажет, мол, враги в злобном отчаянии хотят подорвать разведывательную мощь Америки и сочиняют небылицы, а все видео и фото – ловкая подделка хакеров. Все-таки четверть века яркой и беспорочной карьеры в ЦРУ просто так не перечеркнешь никакой вражеской провокацией!

Однако Стенли понимал, что задание надо выполнить хотя бы потому, что оно четко совпадало как с его личными интересами, так и с интересами США, да и всего человечества. Ведь кто-то, или что-то наверняка стоит за небывалыми биологическими изменениями у гомо, это никак не может быть просто случайной ошибкой природы, возникшей вдруг и на пустом месте...

...Размышляя обо всем этом, Кирби выпил принесенную секретаршей чашку кофе со сливками и набрал зашифрованный номер некоего интересного человека, которому после недолгого разговора и назначил встречу на одной из личных конспиративных квартир.

+++

Врач-специалист из перинатального центра долго что-то писал в своих бумагах, расположившись за письменным столом в квартире Евы Барак. Выражение его лица не предвещало для молодой мамы ничего хорошего. Маленький Давид едва успокоился после возмущенного ора по поводу его активного осмотра и прослушивания. Теперь он смачно посапывал в кроватке и снова намочил подгузник, сменой которого Ева и занялась, пока врач излагал свои мысли бумаге.

Оторвавшись от своей работы, доктор внимательно посмотрел в глаза настороженной Евы и произнес:

– Ваш случай, увы, не первый...

Плохо закрытый кухонный кран медленно ронял капли в раковину.

– Что за случай... вы о чем? – испуганно спросила Ева, и у нее похолодело где-то в глубине живота.

Врач отвел глазу в сторону.

– Ребеночку уже две недели, а у него не наблюдается ни малейших признаков роста и развития, он будто застыл в тот момент, когда родился – рост 51 см, вес 3, 4 кг. Неужели вы сами не замечаете?

Еве стало совсем не по себе, она на мгновение призналась внутренне, что – да – она чувствовала, даже видела, что Давид как был «зародышем», так и не выходит из этого состояния. Но женщина боялась даже для себя внятно оформить эту мысль. А доктор тем временем продолжал:

– ... тысячи наблюдаемых нами новорожденных остановились на той стадии развития, когда они покинули чрева своих матерей. Это необъяснимо... вернее объяснимо той новейшей теорией «застывшей клетки», которая говорит о некоем наступившем биологическим бессмертии организмов...

Ева испуганно посмотрела на врача:

– Я слежу за событиями и знаю, как и все, о бессмертии... но ведь получается, что все люди так и застыли на той секунде...

Доктор вздохнул:

– Да, именно... Мне вот 51 год 4 месяца, 3 дня, 7 часов и где-то 54 минуты... Насчет секунд не знаю. Мама помогла подсчитать, она помнит час моего рождения. Вам тоже неплохо бы подсчитать свой возраст. А вашему сыну... Ему – одна секунда... Да... Это ужасно, но мы ничего не можем пока поделать... Вы ведь слышали, что миллионы людей так и замерли на секунде перед смертью, и мне кажется, что это не менее страшно, чем...

Эскулап вдруг умолк, и стал протирать очки, а Ева тихо заплакала. Она поняла окончательно, что произошло с ней, ее семьей, да и всем миром в целом. Молодая мама представила миллионы таких же «счастливых» матерей во всех уголках планеты, которые с ужасом осознали, что их дитя, по сути, еще не человек, а, скорее, обезьянка, мармозетка в пеленках, которая... которая может вообще уже никогда не стать человеком.

Рождение было одновременно и... смертью. Она выбежала из комнаты, пустила в ванной сильную струю воды и стала лупить кулаком в кафель и выть в голос, будто ошалевшая от тоски волчица.

+++

Людвиг Манולי быстро добился у швейцарского правительства разрешения на возобновление «милосердной смерти» в своей клинике, но уже не ядами, которые почему-то пере-

стали действовать на «окаменевшие» для них клетки, а обычными выстрелами, разрушающими сердце.

Первым он испытал разрешение на своем друге Юргене, который был готов уже хоть на повешение, лишь бы разрешилась мучительная для всех ситуация. Людвиг набрался мужества, приставил пистолет к сердцу страдальца и нажал на курок. Все было на этот раз кончено...

Другого выхода не было, тем более, что инициативу Людвигу поддержали не только коллеги из аналогичных учреждений Европы, США и других континентов – его поддержали и целые правительства.

В мире мучительно умирали и никак не могли умереть естественной смертью сотни миллионов людей, ежечасно страдающие сами и заставляющие страдать своих родных, близких и окружающих людей. Не говоря уж о том, в какие астрономические суммы дополнительно выливался бюджетам стран, больниц и страховых компаний уход за этими людьми. Ситуация оказалась катастрофической.

Было собрано специальное мировое совещание «двадцатки» на высшем уровне. Встречу организовали в венском Шенбрунне. Секретность была высочайшей, но Людвиг записал по памяти в дневнике – с совещания не разрешалось выносить ни малейшей записи ни в каком виде – наиболее яркие высказывания мировых лидеров, принимавших ужасное, но вынужденное решение.

Канцлер ФРГ Энджи Мракель: «Мы, страна, которая после пережитой нами и миром трагедии 30-40-х годов 20 века, осуждает фашизм и гитлеризм, не можем сегодня одобрить появление фактически «эскадронов смерти» в Евросоюзе, да и во всем мире. Мы знаем, как за незаконными послаблениями такого рода следует эскалация, и нет гарантий, что эти эскадроны не перейдут от «милосердного умерщвления» смертельно больных людей, да и просто умирающих, находящихся на грани смерти стариков, к узаконенным убийствам по иным – тоже как бы «оправданным» – мотивам»...

Вячеслав Влади́н, Россия: «Почему, как и всегда, мировое сообщество боится вместе с водой выплеснуть и ребенка, как говорят у нас в России? Сейчас это может быть неизбежно. Думаю, что фрау Мракель права и эксцессы исполнителей будут. Однако мы в нашей стране не хуже немцев знаем, что такое фашизм, поэтому скажу откровенно: милосердные убийства в данной ситуации надо распространить как можно шире, и пусть в ряде случаев ребенок выплеснется вместе с водой. В конце концов, здесь цель важнее споров о гуманности или не гуманности применяемых средств. Мир стоит на пороге общей катастрофы. И если мы пока не в состоянии разрешить вопрос с рожденьями и даже с выращиванием миллионов едва родившихся младенцев, застывших на секунде рождения, то хотя бы частично вопрос возобновления естественной, условно говоря, смерти для умирающих мы в состоянии разрешить. Поэтому, эскадроны-неэскадроны, но Россия будет голосовать за проект решения о спецгруппах милосердной смерти в каждой стране Земли».

Говальд Хамп, США: «Нам всем дико повезло, коллеги! Мы теперь бессмертны, и это прекрасно! Скажу даже больше: мы получили самый предпочтительный и выгодный вариант бессмертия – тот, где новые люди просто не рождаются. Представьте себе, если бы смерти ушли в прошлое, а рождения не прекратились? И как скоро бы мы столкнулись со страшными проблемами перенаселенности планеты?! С войнами за воду, еду, землю? Может быть, именно проблему перенаселения Земли наш Господь и решает таким вот чудесным образом?»

Но сегодня я призываю трезво взглянуть на вещи. Предлагаю без панических настроений и навешивания ярлыков и обвинений объективно посмотреть на новый мир, в котором мы вот уже две недели живем. Да, проблема смерти для тех, кто ее должен получить по естественным показаниям стоит остро и без нашей помощи людям ее не разрешить. И хотя эпидемия самоубийств под влиянием паники, религиозных гуру-шарлатанов чудовищно разрастается, но она не решит всей проблемы. Поэтому я за «милосердные спецгруппы», но под жестким контролем

национальных правительств. Тут я разделяю опасения канцлера Мракель. Да, проблема рожденных в «последнюю секунду», как мы ее стали называть, стоит не менее остро и над ней нам в скором будущем еще предстоит поработать, боюсь, тоже в жестком и конструктивном ключе. Но 80% населения планеты сегодня счастливы, господа! Давайте не будем забывать об этом! Люди празднуют уже дней десять, осознав свое личное бессмертие, они танцуют на площадях, молятся в храмах Господу за невероятный дар, они меняют планы на жизнь, они усерднее работают и, наконец, увидели главное – смысл в жизни! Этот смысл – в самой жизни, жизни без конца, без болезней, страданий умирающей плоти. Наша задача срочно решить вновь возникшие проблемы, а потом наслаждаться новым миром, миром «последней секунды», извлекать из него то, чего мы все заслуживаем – простое человеческое счастье!».

Сю Цзян, КНР: «Нас сегодня волнуют не „эскадроны смерти“ – мы это сделаем, поскольку нет иного выбора. И не младенцы последней секунды волнуют нас в Китае, потому что и с ними вопрос скоро так или иначе будет решен. Нас волнуют проблемы миллиардов семей, у которых больше не будет смысла их существования в виде продления рода, выращивания любимых детей – всего того, что придает смысл существования сегодня почти 6—7 миллиардам людей на Земле. А распад традиционной семьи повлечет, как говорят наши ученые, социологи, психологи и иные специалисты, распад не только устоявшихся моральных норм и ценностей. Это повлечет распад миллиардов человеческих личностей, сформированных на платформе ценностей семьи, материнства, отцовства, детства. Мы не видим, в отличие от уважаемого коллеги из Америки, смысл жизни только в самой жизни и ее удовольствиях – еде, питье, развлечениях и сексе без потомства. У нас иные ценности и они сегодня под страшной угрозой. Вот о чем я предлагаю нам всем сегодня еще раз задуматься».

Матье Рюйтель, Нидерланды: «Акцентирую внимание уважаемых господ на еще одной проблеме. К сожалению, смертей чрезвычайного характера – от ДТП, до криминала и техногенных, природных катастроф – в мире не стало меньше. Наоборот, их количество выросло за последние недели в связи с общим кризисом последней секунды. Если так будет продолжаться – то, как подсчитали наши ученые, через 10 лет человечество сократится на 15% по численности, а через 80 лет просто исчезнет – и это безо всяких войн и страшных катастроф – просто от убийств, ДТП и техногенных аварий. Вот что страшно и надо что-то делать! Иначе тюрьма наших грехов захлопнется навсегда, а потом опустеет...»

Эрнесто Придуру, Венесуэла: «А мы вообще считаем – и оптимистичное выступление Говальда Хампа нас в этом еще раз убедило, – что правительство США получило секретные биотехнологии. Получило оно их либо самостоятельно, либо при помощи контактов с инопланетным разумом, и сегодня занимается геноцидом человечества по возрастному признаку с целью установить свое вечное и окончательное всемирное господство!» (шум, хохот и свист в зале).

+++

– *Я не в малейшей степени не верю во все эти теории заговора, в козни хищных, злых инопланетян, подводных людей с их лучами и прочую чепуху, – затаившись кубинской сигарой, произнес Стенли Кирби и внимательно посмотрел в глаза своего собеседника, сидящего напротив.*

Это был сильно поседевший мужчина лет 65, одетый в хороший темно-синий костюм. Он потягивал порцию виски из стакана и мерно покачивал носком лакированного ботинка.

– *Если я реально во что-то верю, так это в наши, или чьи-то сверхсекретные разработки по проблемам бессмертия, – продолжил Стенли. – Помните, кстати, что сказал Ричард Фейнман, наш знаменитый физик, лауреат Нобелевской премии: «Если бы человек вздумал соорудить вечный двигатель, он столкнулся бы с запретом в виде физического закона. В отличие от этой ситуации в биологии нет закона, который утверждал бы обязательную конечность жизни каждого индивида?»*

– Думаете, он точно знал, о чем говорил? – тихо осведомился собеседник Кирби.

– Ха! – усмехнулся Стенли. – Уж этот человек, которого еще при жизни ставили в один ряд с Эйнштейном, Ньютоном и Галилеем зря трепаться бы не стал. Поэтому я чувствую, что рыть надо именно в этом направлении. Фундаментальная наука в один прекрасный миг обретает прикладной характер, и, чуя я, мы имеем дело как раз именно с таким случаем. Может быть, кто-то сумел создать фантастически эффективные геропротекторы? Заявили же недавно наши ученые, что до 130 лет человек вскоре будет жить спокойно... Почему бы жить и не больше, как Мафусаил, скажем? Кстати, по иудейским преданиям, Мафусаил должен в числе семи великих пастырей снова явиться на Землю перед приходом Мессии... Если так, и все мы стали явленными «мафусаилами», – то не Страшный ли суд грядет? Однако если серьезно, то скажу еще раз: я чуяю, что кто-то открыл «вечный двигатель» для человека...

– Ну, чутье вас редко подводило, – заметил собеседник и налил себе еще порцию. – Вопрос в том, кто именно достиг цели, где и как? Меня это тоже сильно интересует.

– Известный многим Обри ди Грей, думаю, наконец-то нашел столько денег, сколько давно уже искал по всему миру для решения проблемы бессмертия. Мы знаем, что он сотрудничал с известными геронтологами... Думаю я, что Брюс Джеймс, Леонид Даврилов, Джек Ольшанский явно объединяли не только теоретические усилия... Возможно, эти прыткие ребята создали некий... гм.. биологический аэрозоль и распылили в атмосфере? Может, это применена какая-то особо продвинутая биоинженерия, биохимия... Ну, или молекулярная биология, наконец, дошла до таких вот диких экспериментов? А что если это вообще дело рук мусульманских экстремистов, а? Мы ведь следили, чтобы они атомное оружие в руки не заполучили. А насчет биологического, и, тем более, генетического вообще особо не заморачивались... Почему бы – в порядке бреда говорю – той же Саудовской Аравии, всем государствам этого полуострова, при их то миллиардах не взять, да и не профинансировать разработки по этой теме? Уничтожить, так сказать, неверных, как вид... А потом на самих неверных это и свалить?

Кирби внутренне сам поразился своему параноидальному предположению. «Что-то я совсем разошелся, – внутренне остановил он сам себя. – Надо бы послушать Джеймса, иначе зачем бы я сюда приволок свой зад?».

Стенли активно пыхнул сигарой и решил брать быка за рога: все-таки его собеседником был советник-помощник президента США по секретным стратегическим разработкам Джеймс Ковальски, который всегда очень много знал.

– Дружище, – продолжил Кирби – пришло время выложить карты на стол, тем более, мы с вами сидим в одной лодке, и чтобы она не пошла ко дну вместе со всем человечеством, мне надо знать – кто, где и что сделал, чтобы случилось то, что случилось.

Ковальски медленно поднялся из кресла и, подойдя к широкому окну, посмотрел вниз на Манхэттен. Там, далеко внизу, кишел обычный для этого места муравейник. «Будто бы все идет своим чередом и внешне даже и не скажешь, какая беда свалилась на этот великий город, на страну... Да и на весь мир, пожалуй», – промелькнуло у него в голове.

– Вы питаете иллюзии, Стенли, – после долгого красноречивого молчания произнес Ковальски. – Неужели вы думаете, что мы смогли бы от вас скрыть прорыв в таком важнейшем направлении, как бессмертие? Концепция вами названного то ли ученого, то ли шарлатана Обри ди Грея, та самая известная нам с вами SENS – стратегия достижения инженерными методами пренебрежимого старения – так и не подтверждена практикой до сих пор, насколько я могу судить... Все другие мировые геронтологи то жалуются на нехватку средств, то идут мимо цели, и никто еще не достиг реального результата, который можно было бы обсуждать... И потом, ладно, не умирают старики, но почему застыли в развитии младенцы? Это какое-то... весьма, я бы сказал, неправильное бессмертие. Ублюдочное, что ли...

Джеймс Ковальски откашлялся и помахал рукой, отгоняя от себя дым. Он бросил курить лет двадцать назад и едва переносил пассивное курение.

Кирби сломал сигару и, несмотря на свою грузность, довольно ловко выскочил из кресла. Он тоже подошел к окну и задумчиво уставился вдаль. *«Черт его поймет, этого Ковальски, – думал Стенли. – Какой смысл им сейчас от меня, от ЦРУ что-то скрывать? Ведь кризис, если он усилится, похоронит всех, какие уж тут тайны?»*

– Хорошо, – медленно произнес он. – То есть, вы хотите сказать, что это и впрямь инопланетные штучки? Игры Бога?

– Трудно судить, я осведомлен не больше вашего, как и господин президент, – ответил Ковальски. – Впрочем, советую прокачать вопрос по другим каналам, вдруг мы с вами оба чего-то не знаем?

Мужчины расстались, условившись держать друг друга в курсе, если по интересующей их теме обнаружится что-то важное.

...Кирби так и поступил, как советовал ему собеседник. В ближайшие пару дней он изучил все доступные ему источники – а доступно ему было многое – по новейшим научным разработкам в области изучения биологии человека, биооружия, новейших исследований по антропологии.

Аналитик не прошел мимо проблем старения-омоложения клетки, теоретических работ ученых по обоснованию возможности достижения бессмертия и проч. Он встретился с рядом научных светил и курирующих их работу сотрудников спецслужб.

И... нигде не увидел и намека на то, что проблема биологического старения человека была решена хотя бы наполовину. Уже спустя неделю Стенли убедился, что опасения руководства России насчет злокозненности американского руководства были беспочвенными.

Для очистки совести Кирби даже изучил вопрос контактов с внеземными цивилизациями, прочел скрепя сердце некие особо секретные отчеты уфологической комиссии, но не нашел никаких намеков на состоявшийся контакт руководства США или иной страны с «зелеными человечками». Ни в прошлом, ни в текущее время.

В итоге всех усилий у аналитика сложилось стойкое впечатление, что проблема возникла из ниоткуда, что это в буквальном смысле «резко тормознул Господь», и невозможно рационально объяснить мотивы его поступка, как и мотивы изначального зарождения жизни именно на маленькой захолустной планете Земля из Солнечной системы, периферийной даже в собственной Галактике...

Теперь предстояло передать всего два слова – «ничего нет» – российским господам-заказчикам. Стенли подумал, что в преддверии конца света нечего заморачиваться какой-то особой конспирацией и вышел прямо на резидента ГРУ в российском посольстве в Вашингтоне.

Их встреча состоялась возле мемориала Линкольна прямо среди бела дня под морозящим то ли дождиком, то ли мелким снежком и была очень недолгой.

– Передайте вашему президенту мой ответ – «ничего нет», – с ходу заявил Стенли опешившему от такого поворота событий резиденту Юрию Громову.

– В смысле? Что значит «ничего нет»? – удивился тот. – И знает ли наш президент о вашем существовании?

Стенли усмехнулся.

– Отлично знает, и более того...

Он многозначительно помолчал и продолжил:

– Не сочтите меня сумасшедшим, но задание я получил лично от него во время его визита в ООН неделю назад. Мы встречались с господином Владиным, он дал мне записку...

Стенли криво усмехнулся и стал раскуривать неизменную сигару:

– И не делайте такое изумленное лицо, господин Громов. – Скрываться уже нет смысла. Разведке я обучался в русской школе, уже 25 лет как я здесь внедрен. Однако меня не беспокоили по мелочам.

Кирби машинально огляделся вокруг, но было пустынно. Он негромко продолжил:

– К моему удивлению, неделю назад я вдруг был активирован и, на мой взгляд, довольно глупо. Задание было узнать, не Америка ли устроила весь этот мировой кошмар. Так вот, я узнал: нет, не Америка. Это точно. Ни структуры Хампа, ни структуры разведки и специальных операций, ни какие-либо секретные лаборатории Пентагона или ЦРУ с АНБ и ФБР к данной катастрофе не имеют отношения. Так что успокойте паранойю ваших кремлевских мудрецов и ищите зло в иных местах. Если вообще в этом случае возможно что-либо найти...

Громов открыл рот... И закрыл.

Стенли повернулся, и, не прощаясь, зашагал по длинной аллее, чуть скользкой от легкого морозца.

Глава третья

– Слушай, Ева, тут веселый анекдот рассказали на работе. Прямо про будущее нашего сыночка, – бодро крикнул жене, которая хлопотала на кухне, Арон Барак, устроившись на диване перед тихо бурчащим телевизором. – Короче, жил-был рав. Его сыну исполнилось 13 лет. Пора определить, чем будет юноша заниматься в будущем. Когда мальчик был в школе, хитрый рав зашел в комнату сына и положил на стол Тору, доллар и поставил бутылку виски. Если сын возьмет книгу – пойдет по моим стопам, подумал рав. Если деньги – будет учиться на бизнесмена. А если виски – нужно обратить серьезное внимание, чтобы не стал пьяницей. Довольный, рав вышел из комнаты и устроился напротив, чтобы подглядывать... Пришел сын из школы. Доллар сунул в карман, плеснул в стакан виски и раскрыл книгу. «„Прекрасно!“» – воскликнул рав, будет депутатом кнессета.

...Ева, из вежливости выслушала байку вполуха, тихо возникнув на пороге комнаты, и улыбнулась уголком рта – тоже из вежливости. Лицо ее было непроницаемо мрачным, что муж не счел нужным заметить, придя с работы в хорошем настроении.

Увлеченный каким-то выгодным проектом в фирме, он уже вторую неделю вообще не замечал ничего необычного ни в поведении супруги, ни тем более в жизни маленького сына, ведь до того Арону иметь дело с младенцами не приходилось.

– Арон... У меня к тебе важный разговор есть, как раз про сыночка нашего. – Ева подошла к мужу и села рядом на диван. – Выключи, пожалуйста, телевизор.

Почувствовав, наконец, что состояние любимой жены оставляет желать лучшего, и ей явно не до анекдотов, Арон стер улыбку с лица и нажал кнопку на пульте. В комнате воцарилась тишина, и от паузы, которую взяла Ева, покусывая бледные губы, эта тишина становилась звенящей.

– Понимаешь, дети во всем мире перестали расти. Вообще перестали...

Арон шумно выдохнул воздух и преувеличенно бодро сказал:

– Ну, наш-то Давидик еще совсем младенец, вот подрастет, тогда и...

– Он не подрастет, Арон! – Ева крикнула это так, будто копила этот крик в груди несколько лет. – Он вообще с первой секунды рождения не растет, и расти не будет!

Женщина упала лицом в колени мужа и разрыдалась.

Арон в растерянности гладил ее волосы, бормотал что-то утешающее и не знал, как реагировать на эту вспышку дикого горя. Он, по правде говоря, уже задумывался о том, как отразится происходящее в мире на его семье и на маленьком сыне.

Но, подчиняясь странной логике почти каждого человеческого индивида, которая всегда предательски нашептывает ему в мозг: *«Это произойдет с любым, только не с тобой, ты не такой, у тебя особая судьба и уникальная жизнь»* – той логике, которая заставляет миллиарды людей делать глупости, быть неосторожными и безрассудными, Арон тоже думал, что беда обойдет их стороной. Он тихо радовался обретенному бессмертию, хотя и не верил, что весь этот трагический балаган надолго.

Но бессмертие для сына, возрастом одну секунду жизни... О таком он и в страшном сне не мог себе вообразить. И чем больше Ева сейчас заходила в рыданиях, тем со все более отчетливым ужасом в душе мужчина понимал, в какую катастрофу попала его семья... И если бы только она одна. В таких случаях мужики седеют от бессилия. Бессилие – самое страшное. Можно поубивать все вокруг и порушить все вокруг, но это не изменит бессмертия первой секунды для их Давида. Точка.

Арон бережно поднял голову жены со своих колен и стал поцелуями осушать ее залитое слезами лицо.

– Ева, дорогая, любимая... Мы что-то придумаем, это же не может продолжаться вечно.

Мужчина сам не верил в то, что лепетал, утешая жену. Не верила, конечно, и она. Ева попыталась взять себя в руки.

– Нам остается только ждать и молиться. Может, это просто чей-то безумный эксперимент, власти найдут того, кто это устроил, я верю в это. Все вернется на прежний уровень... Ведь так жить невозможно...

Молодая женщина обняла и поцеловала Арона солоноватыми от слез губами в благодарность за утешение. Всклипнув в последний раз, она встала, поправила прическу, одернула платье и пошла посмотреть на малыша в детскую, откуда уже доносились ворчливые младенческие крики.

+++

Ева Барак ненавидела своего мужа. «Ковырни счастливый брак, и ты увидишь гноящуюся рану», – любила повторять она про себя известную поговорку.

Ее ненависть была иррациональна. Любой семейный психолог, дипломированный мозгоправ любого ранга вынес бы вердикт, что не видел на свете более дружной и счастливой семьи. Само собой, точно так же считали и окружающие, и для этого молодая семья давала все основания: никто не слышал от них не то что грубого – просто неласкового слова по отношению к партнеру. Ева выполняла полностью и даже с «добавкой» все свои супружеские долги – от постельных до кухонных, упрекнуть ее было абсолютно не в чем. Более того, она же сама дала себе слово «добиться этого мужчину», вот и добилась, и теперь ей было стыдно даже перед самой собой признаться, что она ошиблась.

Со своей стороны Арон так же не вызвал бы упреков у самого придирчивого семейного критикана: он нежно любил и ласкал жену, дарил при любом поводе ей мелкие и крупные подарки, как позволяли деньги. Он развлекал ее по выходным, таская в музеи, на выставки, в кино и просто на спортивные занятия или встречи с друзьями в кафе. Арон был крепок в постельных утехах, вынослив в работе и мог по-настоящему впахивать, чтобы обеспечить семье лишний шекель. Муж Евы Барак был неглуп, читал книги, правда, все больше исторические боевики, он разбирался в искусстве на вполне достойном уровне, так что с ним было интересно рассуждать на эти темы. Немногочисленные подруги Евы повально ей завидовали и этого не скрывали – редко можно было встретить и «окольцевать» такого породистого, красивого, неглупого парня.

Но бог любви немилосерден и коварен. Он как подкарауливает людей в самом неожиданном месте встреч, чтобы предъявить им свои права на их тела и души, вселяя туда страсть, похоть, ревность, ожидания и обиды – все, что называют влюбленностью, так и уходит, внезапно, «пока весь город спит», как поется в одной старинной песенке...

В этих таинственных делах всегда «стреляет» какая-нибудь глупая мелочь: неловкая шутка, дурной запах изо рта, мелкая привычка ковырять в ухе, да хотя бы любовь к французскому сыру – что угодно может вдруг раздражить до ненависти, которая, как ложка дегтя в бочке меда, отравит навсегда всю внутреннюю жизнь. Вот и Ева наблюдала однажды утром, вскоре после медового месяца, как Арон в домашней майке весело насвистывает, довольный собой и жизнью, насвистывает... насвистывает... Ох!.. и мажет на толстый слой масла толстый слой абрикосового джема.

И, наблюдая это, она вдруг сильно вздрогнула: где-то в дальнем тайнике сердца ли, души ли, но поднялось у нее оттуда что-то мутное, злое, насмешливое и гадливое. Она еле сдержалась, чтобы не крикнуть, не убежать, опрокинув стул, стол вазу с цветами... Спроси ее тогда, что, зачем, почему все это было, она бы не смогла ничего внятного ответить. Это было очень странно, пугающе, нелогично, но... Но – окончательно, как поняла она это сама, когда Арон, чмокнув ее (Ева еле сдержалась, чтобы не отшатнуться), ушел из дома на работу.

Девушка стиснула зубы, убила час на самоанализ, но так ничего и не поняла и не сделала никаких выводов. Зато твердо решила: эта неожиданная «сердечная гадюка» не должна

вползти в их семейную жизнь и уютно обустроиться в ней. Отныне она, Ева, будет наблюдать за собой, своими чувствами, своей реакцией как самый скрупулезный педант и надзиратель. Ни малейшей тени правды не должно проскользнуть в ее отношениях с Ароном. Она хотела сохранить их брак, не считала себя вправе отталкивать хорошего человека, которого поманила за собой в совместную жизнь до гроба. Ева Барак полностью признала именно себя виноватой в рождении этой «сердешной гадюки», взяла на себя всю боль и все тяготы по общению с ней, по отодвиганию этой змеюки на самое дальнее место в их жизни. «И чтобы, сука, не высывалась!» – глядя себе в глаза, строго сказала эта сильная молодая женщина следующим утром в ванной комнате. Так оно и получалось пока что.

...А грядущую Хануку Ева и Арон решили не праздновать никак. Настроение было на нуле, как, впрочем, и все остальное.

– Не хочу гостей к нам, да и мы не пойдем ни к кому, ладно? – заявила она за завтраком в конце декабря мужу. – Посидим вдвоем, и спать, какие тут праздники...

В Израиле последнее время все тревожнее становились слухи о скором призвании всех резервистов, включая женщин. Ведь именно «милуимники» – резервисты представляют основную боевую мощь ЦАХАЛа, то есть, Армии обороны Израиля.

– Да, нас ведь могут вскоре призвать, потому что без милуимников армия не сможет начать крупных войсковых операций, – откликнулся Арон, рассматривая на свет прозрачную чашку с чаем. – С одной стороны, ежегодно резервисты проходят 45-дневные сборы, а нас таких 380 тысяч только для сухопутных войск, и сборы мы уже прошли недавно. Но тут ситуация не обычная, а критическая. Подозреваю, что из-за создания крупной террористической армии на юге бывшей Сирии и в других пограничных странах, нам придется как раз проводить серьезные боевые действия. Я разговаривал с одним знакомым военным спецом, он шепнул мне, что кадровые части едва сдерживают продвижение противника. Им трудно приходится из-за этого, черт бы его забрал, последнего джихада – они там как с ума окончательно все сошли.... В общем, кадровая армия ждет теперь прибытия основных частей резервистов, и тогда войска должны перейти в контрнаступление.

– Милый, я все понимаю, но что нам делать с ребенком в таком случае? – откликнулась Ева. – Мне тут звонили вчера и рассказывали о специально создаваемых детских приютах для младенцев «последней секунды», от кого родители хотят отказаться, или, например, как мы, призываемся... ну... резервисты.

Она вскрикнула, потому что во время разговора неосторожно порезалась острым ножом, нарезая яблоко. Арон заботливо подул ей на палец, останавливая выступившие маленькие капельки крови, и сказал:

– Главное – не куда деть Давида, потому что это мы так или иначе решим. Главное, чтобы мы с тобой ограничились пусканием только таких вот доз крови себе, не больше. Это ведь уже не сборы, а война, которая просто так не кончится, ты же видишь, как нарастает мировой хаос. Тут чего угодно можно ждать. Нам нельзя оставлять мальчишку сиротой.

Родители, не сговариваясь, посмотрели в сторону детской спальни, где негромко издавал поскрипывающие звуки их новорожденный сын возрастом одну секунду человеческой жизни. Его тоже пора было кормить грудью, той самой, в которой – и Ева это чувствовала – заканчивалось материнское молоко.

+++

...Уже через три дня молодая израильская пара сидела за столиком своего любимого заведения под названием Kitchen Market, в котором они ужинали перед своей первой бурной ночью любви.

Это был маленький уютный ресторанчик на втором этаже небольшого крытого рынка на набережной в тель-авивском порту. Ева сочла тогда – возможно, от чрезмерно романтиче-

ского настроения – что здесь всё невероятно вкусно: и закуски, и основное блюдо, и уникальные десерты.

Вот и на этот раз Арон, не считая денег, заказал лучшие блюда из морепродуктов. Для начала. Молодые родители намеревались погулять сегодня по-настоящему, ведь повод был, да еще какой.

С одной стороны, грустный. Им пришли ожидаемые повестки в Армию Израиля. Явиться на призывной пункт надо было через два дня, и ясно было, что ребенка придется оставить на попечение специально созданной для детей «последней секунды» патронажной Детской Палаты.

Но, с другой стороны, оба понимали, что им выпал редкий шанс показать свои умения и навыки в самой что ни на есть критической ситуации для их страны. Им надо спасти Израиль.

– Напали, гады, как тогда, – помнишь, мы изучали по истории про 6 октября 1973 года, – когда египетские и сирийские войска вполне нагло пересекли линию прекращения огня и начали продвижение вглубь нашей территории.

Ева отложила вилку, которой она ловко орудовала в тарелке.

– Да помню я почти всё, про «войну Судного дня», – кивнув, проговорила она, – тогда ведь две страны пошли на нас открыто, зато другие, как та же Иордания, помогали войсками, или деньгами, как Ливия, Саудовская Аравия, Кувейт... Почти весь арабский мир здешний на нас ополчился... но получил по шапке. Самое ужасное, что ровно то же самое происходит и сегодня, практически в тех же местах. Взять хотя бы Голанские высоты...

Арон вздохнул и посмотрел на ночное море. Давида они на этот прощальный вечер оставили с его родителями, и молодому отцу была невыносима сама мысль о том, что их несчастный сын остается на ближайшее время в чужих руках государственных служб.

– Думаю, нас туда и отправят, там полчища исламских фанатиков-экстремистов будто с цепи сорвались, и пока что мы их остановить не можем...

Ева Барак помрачнела лицом. Она представила, как их сначала разлучат с сыном, потом с мужем разведут по разным частям, а там...

– Послушай, Арон, нам надо держаться вместе. Боюсь я, что на этот раз война не будет шестидневной, террористы настроены зверски, у них, видите ли «Последний Великий Джихад» – это они нас обвиняют в ужасах, что творятся с миром, с людьми. Но причем тут Израиль, Европа, да и США? Это абсолютно никем не понятый еще и не объясненный катаклизм. Зато они тут как тут: воспользовались ситуацией и давай себе гадить, где только можно...

Девушка бросила волку на скатерть с такой силой, что та кувыркнулась и чуть не упала на пол.

– Ненавижу!

Арон с изумлением наблюдал, как красивое лицо любимой жены искажается какой-то страшной гримасой. «До чего нас доводят, – пронеслось у него в голове. – Даже моя милая, добрая Ева готова сейчас чуть ли не зубами рвать этих вооруженных фанатиков, лишь бы они оставили нас в покое».

– Милая, не волнуйся так сильно. Мы их снова поставим на место, у нас огромное преимущество в вооружении, в выучке Армии, опыте... Они подавятся своей злобой, вот увидишь...

Женщина взяла себя в руки и грустно улыбнулась, оценив беспокойство мужа об ее взвинченном состоянии. Сделав глоток красного вина из бокала, Ева произнесла:

– Мне очень не нравится, что Давида придется отдавать этим... ну, социальным службам. А если вдруг мы погибнем? Ведь такое может быть?

Арон сильно покусал губы и сказал:

– На войне все возможно, и это тоже...

– Ну вот, и с кем тогда будет наш ребеночек, с тетками из непонятно каких мест, каких человеческих качеств? Надо требовать, чтобы в случае нашей гибели Давида отдали твоим родителям, все-таки с бабушкой и дедом он вырастет... – Тут Ева даже поперхнулась, мигом вспомнив, что насчет «вырастет» существуют пока что сильные сомнения. Но она продолжила: – ... вырастет нормальным человеком, воспитанным в семейном тепле и любви, а не на казенных простынках...

Молодая женщина мгновенно представила себе серые стены, жесткие простыни, грубую мебель, ворчливых не выспавшихся теток с маленькой зарплатой. *«Нет, я этого не вынесу, – подумала она. – Надо что-то делать!»*

– Дорогая моя девочка, давай не будем разводить панические настроения, сейчас всем и везде тяжело, у нас вся страна под серьезным ударом, придется каждому, каждой семье что-то жертвовать. Давай мы сначала явимся по повестке, решим с тем, чтобы воевать рядом, в одной части, заслужим уважение командования, а потом будем просить насчет сына. Это должно быть правильно и по-честному в военное время. А просто бежать скандалить, как на базарной площади...

Ева, подняв брови, выслушала излишне горячий монолог супруга, подавила в себе желание тут же возмутиться его бесхребетностью и... и поняла, что он прав.

– Ну... пожалуй, надо так и сделать. Несколько дней в этом... заведении нашему Давиду не навредят, конечно, а там мы отличимся, и нам должны будут пойти навстречу.

Успокоившись, Ева допила вино, и муж начал наливать ей еще.

«Напьемся сегодня до потери пульса, – думал Арон, в обычное время не любивший спиртное за тяжелую голову по утрам и мерзкий привкус во рту. – Может быть, что вообще последний раз в жизни гуляем, чего уж тут комплексами мучиться!»

И он звонко чокнулся бокалами с женой.

...В этот вечер Ева, машинально слушая нетрезвые разглагольствования супруга, приняла одно очень важное решение – возможно, самое страшное и необычное в своей жизни, такое, на какое способна далеко не каждая женщина с ребенком. Поговорив с Ароном и довольно ясно представив себе перспективу их семьи, их страны на ближайшее время, девушка поняла, что у нее есть буквально пара дней, чтобы попробовать спасти их ребенка от печальной участи. Вариантов у малыша Давида было немного: либо остаться никому не нужным и не интересным сиротой, либо быть с родителями, но в нынешнем плачевном состоянии зародыша...

Глядя на задумчивые ночные волны моря, Ева внезапно вспомнила недавний, перед ее родами, разговор по телефону со своим научным руководителем Эхудом Шепиро, который тогда еще заставил ее разволноваться. Разговор шел о перспективах работы их исследовательского центра, и Ева хотела узнать у ученого, оставят ли за ней место после того, как она выйдет из послеродового отпуска, и на какой стадии сейчас находятся исследования. Девушка тогда еще записала себе памятку в смартфон:

«Эхуд говорит, что они за эти пару месяцев, пока я не хожу в лабораторию из-за беременности, вышли на новый этап „игры в богов“. Наши многоцелевой нанобиокомпьютер еще больше модернизировали, и теперь он не просто применяет молекулы ДНК для построения наночастиц с заданными свойствами, но и наоборот: эти наночастицы, в свою очередь, как биороботы, научились выстраивать нужные параметры ДНК. Строить живую человеческую материю. Фактически, заменять природные биологические молекулы. В том числе – и это самое важное – заменять больные клетки и молекулы на здоровье. Я считаю, если не ошибаюсь, что это грандиозный этап в построении искусственного человека. Прорыв в синтетической биологии, в изменении уже существующей структуры строения человека в нужном нам направлении. Эхуд сказал, что им для эксперимента нужны люди, которых практически безболезненно за несколько дней можно „технически изменить“. Нужны, причем, лучшие всего

не взрослые, с их болячками, а чистые, совсем крошечные, младенцы с их особыми биологическими свойствами, чтобы попробовать. Но, спрашивается, где их взять? Кто ж их положит на алтарь Науки?»

Перечитав эту свою запись, Ева даже похолодела где-то глубоко внутри себя. *«А что если это тот самый шанс, чудом и вовремя подоспевший? Что если наша ДНК-наномашина поможет запустить рост, старение, деление клеток, молекул протейна хотя бы в младенческих организмах? Она „отремонтирует“ замершие клетки, немного для начала, но они „запустятся“, и как по цепной ядерной реакции обновят весь организм! Тогда наш Давид, а потом и тысячи других младенцев, родившихся в это проклятое мгновение, будут спасены? Но это ведь страшный риск! Вдруг что-то пойдет не так, и мой... наш Давид просто погибнет в неудачном эксперименте? С другой стороны, это сейчас единственный в мире шанс для него. Иначе всё так и останется. Вряд ли тот, кто остановил биологические часы человека, просто пошутил и вроде как притормозил, чтобы нас всех напугать. Скорее всего, это всерьез и надолго. Терять уже нечего, надо рисковать».*

+++

Наутро после ресторанных посиделок, дождавшись, пока Арон уедет на работу в последний раз перед уходом в Армию, Ева первым делом долго и подробно поговорила с Эхудом Шепиро по телефону. Она выяснила главное: ученый готов немедленно принять ее с новорожденным сыном и будет Еве крайне благодарен, если она позволит ребенку помочь. Да, гарантий здесь дать нельзя. Однако нет и никакого другого пути.

Покормив маленького Давида, она собрала его в дорогу и вызвала такси. *«Ехать туда полчаса, чуть больше 30 километров, мальши уснул, надеюсь, так и будет спать в машине, – думала молодая мама, усаживаясь в теплый салон. – Хорошо, что я ничего не сказала Арону, он бы точно встал у меня на пути. Как ему объяснить все тонкости новейших биотехнологий, принцип работы ДНК-машин, все наши потрясающие последние открытия? Это для обычного человека – фантастика. Он просто не поверит...»*

...В лаборатории института Еву встречали радостной толпой ее друзья и коллеги по работе. Конечно, малыша разбудили, и он пищал, но сейчас важнее всего было хорошо подготовить опыт, чтобы свести риск к минимуму. После приветствий этим все и занялись. А Ева пока подписывала необходимые бумаги с разрешением на участие ее ребенка в научном эксперименте и, более того, разрешением на временную дальнейшую опеку и наблюдение за Давидом со стороны института. При любом исходе дальнейших событий, к ее маленькому сыну всегда будет теперь особое отношение – и это главное.

– Я призвана вместе с мужем на войну, – так и объяснила она своему научному руководителю. – У нас теперь почти нет выбора. Мы можем либо отдать ребенка в социальное учреждение для таких вот детей... либо положиться на вас, надеясь, что вы обеспечите необходимый уход...

– Ева, дорогая ты наша умница! – воскликнул воодушевленный Эхуд Шепиро. – Ты даже не думай на этот счет. Какие социальные учреждения, что ты! Уж если где младенца и угробят, так это там. Мы сделаем все возможное, чтобы сохранить твоего Давида в целости, он тебя дождетя и будет расти, я уверен. Ты же сама знаешь и понимаешь, как мы далеко продвинулись...

– Знаю, – прервала его молодая мать, – но и вы меня должны понимать, ведь я стою сейчас перед чудовищным выбором, понимая, что для моего малыша просто нет хороших вариантов. Нельзя оставлять все как есть. Но экспериментальное лечение... Это ведь для любой матери тоже как нож острый... А вдруг неудача? Я ведь потом себе никогда не прощу, что своими руками...

– А простишь ли ты себе, – тихо сказал Эхуд Шепиро, – если малыш так и останется на ранней стадии развития и не превратится в полноценного человека? В чем тогда будет смысл

его, да и твоей жизни? Я понимаю все риски. Мы привлечем наших лучших ученых, обеспечим Давиду самый прекрасный уход, пока наблюдаем его здесь...

Ева задумчиво молчала. Потом спросила:

– А если я... мы с мужем не вернемся из Армии, там ведь тяжелые бои идут? Вы сможете какое-то время за ним ухаживать, а потом передать ребенка родителям Арона?

– Конечно, даже не волнуйся. И если вдруг что с родителями твоего мужа произойдет, я сам... я усыновлю мальчишку. Он не пропадет в любом случае. Но ты, Ева, милая, не думай о плохих вариантах. Давай решим так: опыт будет удачным. Вы с мужем вернетесь – и будете растить вашего сыночка.

– Ох, как бы этого хотелось, – вздохнула Ева и махнула рукой, – раз уж я решилась, то нечего оттягивать неизбежное. На первом этапе я буду присутствовать, ну а потом... У меня повестка. Так что остальное – уже без меня.

...К вечеру Ева вернулась домой. Арон Барак сидел на кухне за столом и ужинал тем, что обнаружил в холодильнике.

– Куда вы подевались? – спросил он жену. – И где малыш?

Ева уже знала, что от правды никуда не уйти. Она присела за стол и рассказала супругу все без утайки. Арон поначалу смотрел на нее округлившимися глазами, но чем больше он понимал, что происходит, тем больше его удивление и даже возмущение сменялось на понимание.

– Зря, конечно, ты мне сразу не сказала... но – да... мог возникнуть скандал со всеми вытекающими... А теперь, когда дело сделано... Ему хоть не больно было?

– Нет, что ты... это такие уникальные манипуляции, на такой технике... Я уверена, что наш малыш будет долго теперь спать и видеть хорошие сны. А проснется уже подростком... Наверное.

– Вот именно, что наверное, – вздохнул Арон. – Но что сделано, то сделано, положимся на высшие силы, что уж тут рассуждать... Иди ко мне.

Он привлек жену к себе.

Перед сном Ева, накинув халатик, посидела одна на кухне и записала в свой смартфон: *«Получается, я – сильная женщина? Кем надо быть, чтобы принести своего ребенка в жертву, пусть даже науке во имя человечества? Богоматерью, девой Марией, отдавшей сына на крестные муки и бессильно его оплакавшей? Ух ты, ну и сравнение! Или Марией Кюри, не сына, но себя отдавшей науке, внедрению открытой ею радиации в медицину и самой умершей от апластической лучевой анемии? Как меня оценит большинство людей, матерей, узнай они о моем поступке? Впрочем, что мне за дело до мнения толпы? Где-то прочитала на этот счет хорошую фразу: «Большинство людей не так давно требовали от мужчин носить чулки, серьги, шляпы и красить лицо, а потом мужчин стали осуждать, но начали требовать того же от женщин». Вкусы, мнения, настроения общества летучи и изменчивы, как ветер. А думать надо о главном. Для меня это – спасение сына, и через это, возможно, спасение еще тысяч и тысяч других сыновей, застывших на «последней секунде».*

Ева Барак задумчиво смотрела на свой нежно светящийся розовым в полутьме любимый смартфон, друга и спутника жизни. Но сейчас этот компьютер-телефон стал особенно важным и дорогим предметом, за который многие люди в мире отдали бы все, что у них есть, а государства заплатили бы, возможно, миллиарды...

Дело в том, что перед началом эксперимента Эхуд Шепиро записал туда как на флешку все научные данные и разработки, которые годами вела его группа. «На всякий случай, – как сказал он. – Времена беспокойные, критичные, надо сохранить все, что у нас есть. И ты здесь первый человек для этого. Береги теперь эту штуковину, она у тебя бриллиантовая отныне... вся эта пара гигабайт...»

Молодая женщина усмехнулась. *«Да, еще не хватало, чтобы, узнав об этой ценности, за мной и смартфоном все разведки мира открыли бы охоту»*. Она зевнула и отправилась спать.

Глава четвертая

Утром пришло смс-сообщение – краткое, но многозначительное. *«Ваш счет в sberbank закрыт»*. В первую секунду Стенли Кирби не понял, о каком банке идет речь, однако быстро вспомнил название главного государственного банка России, где ему еще в 1995 году был открыт счет, и куда, как тогда было сказано, ежемесячно будет поступать по 100 тысяч долларов.

Стенли даже присвистнул. Из соображений безопасности он, конечно, не проверял этот счет и даже подзабыл о его существовании. Однако если ГРУ выполняло свои обещания, то за 25 лет там должно было скопиться порядка 30 миллионов.

«Они надеялись, что я в итоге сбегу к ним с выполненной важной миссией в зубах, и буду жить припеваючи в их любимом Сочи... Не сложилось, значит. Ну, это первая из мер воздействия. Видимо, они мне не поверили и записали в предатели. А людей, которых в мафиозной РФ главари страны записывали в предатели, ждала либо пуля в подъезде или даже на Красной площади в спину, либо полоний в английском чае. Вариантов было много, зато исход один. Но неужели они в такое время будут заниматься этой чепухой и мстить мне? Да и за что? Хорошего я им не сделал, но не сделал и плохого, даже денег с них никаких не получал»...

Стенли почувствовал себя странно. С одной стороны, теперь он был свободен и даже относительно честен перед своей страной. Он мог пойти к руководству, во всем признаться и, даже будучи изгнанным, жить достойно в финансовом смысле. С другой стороны, он зябко ощутил, как на его волосатой спине невидимая рука Судьбы рисует крупную мишень, в которую если и промахнется, то только уж на редкость неудачливый русский киллер.

Кирби зашел в любимый бар, выпил подряд две порции – одну водки, другую – виски, после чего принял простое, но эффективное в таких случаях решение: залечь на дно. *«Эти идиоты ведь сдуру на меня убийцу и нашьют, они ж после Дутина там больные на всю голову до сих пор. Но еще пару недель, и везде такое начнет твориться, – не без оснований подумал он, – что кремлевские будут собственные шкуры спасать, а не мне мстить»*.

Стенли позвонил боссу и попросил о срочной встрече.

– Люк, мне надо уехать в «Цитадель». На пару неделек, наверное. При свидании все объясню, ситуация очень неприятная...

– Ты что там, водки перепил, что ли? – возмутился голос из трубки. – Тут с нас Белый дом не слезает, у Хампа истерика каждый день, мне рассказывали, что личный врач от него не отходит... А ты собрался залечь в берлогу. А кто нас будет вытаскивать из этой задницы, а? Ученые обделались, блеют, и ничего дельного не предлагают. Так, может, наш мощный аналитический аппарат что умного посоветует, а? Не думал об этом?

Стенли натужно кашлянул в трубку и ответил:

– Я этими вопросами каждый день занимаюсь, не волнуйся, босс. Если будет, что предложить, я и оттуда мигом тебе сообщу. Но у меня форс-мажор, по телефону говорить не буду. Надо срочно увидеться.

– Ладно, в два часа жду у себя в кабинете, тут точно прослушки нет, только вчера спецы проверяли.

Кирби отключил связь и сварил себе кофе. Он жил один, принципиально не заводя себе жену и только балуя себя непродолжительными и ни к чему не обязывающими связями, бывало, что и за деньги...

Затем он стал готовиться к переезду, поскольку был уверен, что босс его отпустит. Сначала выслушает, подумает, выругается, потом простит. И отпустит *«зализывать раны»*. *«А все почему? Да потому, что Люк знает: если он и получит ответ по данной ситуации, то, скорее*

всего, только от меня. Поэтому ему нет смысла меня топтать, не то сейчас время», – удовлетворенно подумал Стенли и чисто по-русски влил себе в кофе добрую порцию «Хенесси».

+++

... Мир продолжал лихорадочно меняться. Чуть ли не каждый день сектанты всех мыслимых направлений устраивали массовые самосожжения и отравления. Террористическая активность неуклонно росла.

Как ни странно, но первыми на этот раз резко активизировались разного рода христианские фалангисты и экстремисты, о которых особо до этого времени не и было слышно.

Эти малочисленные группировки почти не интересовали спецслужбы, поскольку ошутимого вреда, кроме жалких попыток распространения в интернете своих погромных идей, они в реальности не приносили. Про них вообще практически забыли...

Но вот теперь со страниц газет и сайтов не сходили «Армия Бога», «Церковь Бога всемогущего», «Армия сопротивления Господа», «Озабоченные христиане» и примкнувшие к ним неонацисты всех мастей и всех стран.

Они возвестили о Судном дне, который, наконец, пришел, и первым делом взялись за истребление «еретиков», то есть – мусульман Европы и Америки. Последовал ряд крупных взрывов, убийств мусульманских священников в городах Старого и Нового Света, погромы в местах компактного проживания мусульман и лагерях беженцев.

В ответ на целый ряд варварских актов, устроенных не скрывавшими этого крайними христианскими фундаменталистами, необычайно широко ширилось шествие «Последнего Великого Джихада», объявленного так же окончательно сбрендившими аятоллами и их явными и тайными союзниками, в том числе и из недобитого в распавшейся Сирии «Исламского государства».

... Сидя в тайном калифорнийском ранчо за высоким забором с колючей, под током, проволокой, Стенли Кирби из всех средств связи мог позволить себе пока что только глубоко зашифрованную линию в интернете, откуда он и черпал сведения о происходящем.

О существовании этого чрезвычайного убежища для высших руководителей разведки знал только сам директор ЦРУ. После разговора с ним Кирби, честно рассказавший боссу о связи с Россией, не был уволен или арестован. Как он, в сущности, и рассчитывал.

Директор Люк Коннор, видимо, понимал, что в таких случаях необходим особый подход к ценнейшим сотрудникам-аналитикам, а в тяжелые времена – тем более. Он так и сказал при их последней личной встрече:

– Несомненно, Стенли, при других обстоятельствах ты бы дорого заплатил за свои игры с русскими. Я, честно говоря, вообще в шоке, хотя и верю, что ты не сдал им ничего ценного... Это тебя слегка оправдывает, иначе в более спокойные времена я бы обязательно доложил президенту... Но сейчас Хампу на все плевать, что мне зря стараться... Между нами говоря, у нас есть сведения... ну, от прислуги, конечно, что его Мелания орала пару ночей назад на весь Белый дом...

Коннор многозначительно, и вместе с тем, весьма ехидно улыбнулся и даже причмокнул губами.

– Он ее сильнее обычного отлупил? Или прошел особо бурный оргазм, что ли? – с усмешкой осведомился Стенли, тихо радуясь, что разговор слегка съехал на темы секса, что Люку всегда очень нравилось...

– Что ты! Наоборот! – Коннор глупо хихикнул, что было уж совсем некрасиво для человека его положения, однако при Стенли он никогда не стеснялся. Да и заместитель знал, что женская тема приводит босса в состояние семнадцатилетнего школьника. – Похоже, ей очень сильно хотелось, а он не смог... Представляешь сценку для Голливуда?

Стенли сделал над собой усилие и похотливо улыбнулся: надо было сейчас во всем потакать боссу. Сам же директор ЦРУ в этот раз не стал особо подробно развивать тему, а деловито сказал:

– Ладно, я тебя понял. Делай, что хочешь, мне от тебя нужно... ну сам знаешь, что...

– Знаю, – буркнул Кирби. – Не подведу. Будем на связи...

В итоге Коннор официально, но секретно, санкционировал исчезновение Стенли «до особых распоряжений» и выдал ему ключи от замков секретного ранчо.

...Самолет, специально выделенный для таких тайных рейсов, доставил аналитика почти до места назначения, откуда он, сам сев за руль черного внедорожника «Шевроле», доехал до «Цитадели». И теперь Кирби, раскинувшись в очень массивном кресле перед камином, не имея возможности из-за секретности читать донесения агентуры, часами просматривал новостные сайты, лишний раз убеждаясь в том, что он был прав.

Прав в том, что еще в конце 90-х, еще до падения башен-близнецов в Нью-Йорке, написал для тогдашнего руководства США подробный и обширный аналитический меморандум на тему предстоящего в первое-второе десятилетия 21 века мирового политико-экономического кризиса, во многом питаемого религиозной и даже расовой нетерпимостью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.